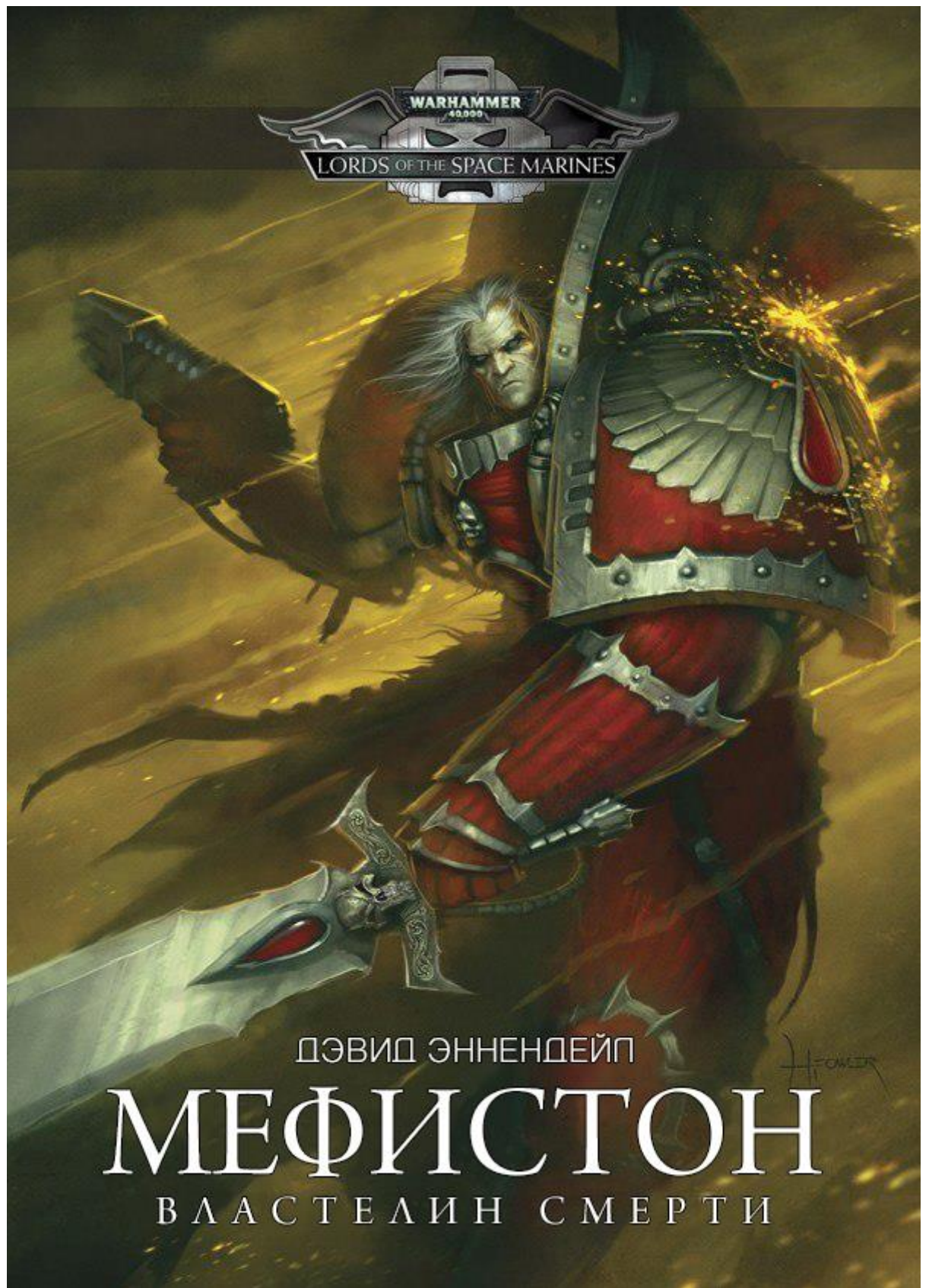

Мефистон: Властелин Смерти

Пролог.

Проклятье бездны

Тьма протекает сквозь мои руки. Я чувствую её текстуры. Я знаю, что она меняется с гладкой на шероховатую, успокаиваясь до зазубренной, затихая до отчаяния. У тьмы есть столько настроений и лиц, и песен, сколько у более мирской, более фальшивой реальности. Она также многообразна как варп, но обладает той чистотой, которую никогда не познают кишасшие демонами эмпиреи.

Я пребываю в месте, которое можно назвать лимбом. Я думаю о нём, как о воплощении небытия. Оно не реально и не иллюзорно, не в сознании и не спящее, не морально и не развращено, не материя и не варп. Я часть небытия, и в тоже время я отделен от него. Но тьма моя. Она в моих руках. В любой момент, когда я только пожелаю, я могу схватить её. И подчинить своей воле.

Когда я действую, то должен признать правду: варп и тьма неразделимы. Варп питает её потенциал. Варп питает меня. Если я засну, варп заберет меня. Он станет мной. Но этого не случилось, и не случится никогда. Это то, во что я должен верить. Если я паду, то буду вынужден считать себя проклятым, а это как раз то, чего мне делать бы не хотелось.

Но.

Но причина, по которой я путешествую сквозь тьму, причина, по которой я исследую её дороги и суть – узнать кто я такой. Когда-то я был Калистарием. Он мёртв уже много лет. Теперь я занял его место, со смертью в правой руке, тьмой – в левой, и я узнаю, кто это, тот, чьё имя Мефистон. Так что это не просто тьма бежит сквозь мои руки. Это знание. И одно из его зёрен может оказаться как раз тем, которое я ищу.

Небытие нигде, и всё же оно имеет определенное место. У него есть входная точка, вне небытия, в этой реальности, врата имеют точные координаты. Эта точка существует на борту ударного крейсера «Багровый призыв». Она ждёт, запретная для всех кроме меня, в моих помещениях, на верхних уровнях башни в центре корабля. По сравнению с каютами, в которых размещены мои братья, отведенные мне владения – просторны. Они обширны не из-за моей любви к излишествам. Они огромны из-за архивов. Основное хранилище – это репозитарий погибели. Свитки, книги, пергаменты и многое другое собрано здесь, все они содержат записи о знаниях, которые убивают, мудрости, которая разрушает и философии, которая калечит. Опасные объекты. Просто даже тем, что они существуют.

Сам я намного опаснее их. Правда, возможно, это значит, что я и более отравленный (но не проклятый, вовсе не проклятый). Я не знаю. Я ищу понимание в небытие, и я ищу его, когда копаюсь в этих хранилищах чёрных мыслей. Но остаюсь разочарованным.

За архивом, уровнем выше, находится моя комната для медитации. Небольшая. Это маленький цилиндр без света, не более трёх метров высоту и двух в ширину, со стенами, отделанными неприветливым чёрным камнем. Это врата. Пройди сквозь них, и окружающий мир исчезнет. В пограничной зоне самой комнаты моё тело ожидает окончания моих поисков. Оно ждёт, пока мой разум плетёт гобелен тьмы. Хотя и во тьме у меня тоже есть тело. Сознание не может существовать без представления о телесности. Я вытягиваю руки. Я не могу их видеть, но чувствую в мельчайших деталях. Я сгибаю пальцы и дотрагиваюсь до тьмы. Она льётся сквозь мою хватку. Я не найду ответов сегодня. Я осознаю это также хорошо, как тот факт, что когда-нибудь умру. Но с той же уверенностью я знаю, что обязан продолжать свои поиски. Я должен искать, чтобы понять существо, которым теперь стал. День, когда я откажусь от этой задачи, будет, в самом деле, ужасным.

Я должен быть осторожным по отношению к существу, трогающему тьму.

Течения тьмы становятся более определенными. Плёнка варпа разливается пятном. Она формирует виды, слова, звуки, воспоминания. Эхо долетает до меня: вкрадчивое бормотание М'кара. Визуальный образ демона тоже в наличии - фрагментированный, искаженный и размноженный кристаллами моей тюрьмы на Солоне V. «Ты один из нас, хотя не подозреваешь об этом. Ты идешь путем. Узнай кто ты. Присоединяйся к веселью. Войди в храм мудрости». Я отказал ему. Я уничтожил его. Но его слова не умрут вместе с ним. Правда, он оставил в наследие сомнения.

Я отвернулся от этого. Отверг это, хотя знал, что столкнусь с этими словами вновь. Вместо этого, я следую другим течением, более непосредственным. Новый поток набирает силу тем больше, чем дольше я следую им. Он пытается затянуть меня в свои бурлящие омуты, и хотя он хочет, чтобы я сдался, на самом деле он маскирует свою природу. Я чувствую его мощь. Я чувствую, что он мчится вперед к водовороту ужасающей силы. Я знаю, что для этого есть причина, но святая или развратная, не могу сказать. Есть и физический пункт назначения, и вот его я распознать могу. Даже слишком хорошо.

В реальной вселенной возникли колебания - кто-то приближается. Моё сознание выпадает из тьмы обратно в тело. Я поворачиваюсь, чтобы поприветствовать Альбинуса. Сангвинарный жрец говорит: «Мы прибыли».

Я киваю. В глубине разума, я чувствую, как вихрь делает огромный поворот. Это здесь. Мы глубоко в нём. Мы пришли в систему Паллевона, отвечая на призыв о помощи одного из наших братьев. Повсеместно и нигде, эмпиреи сгибаются и перекручиваются. Возможное превращается в неизбежное. Событие готовится к рождению.

Я не могу помочь, но задумываюсь, не были ли мы призваны, чтобы встретить свою судьбу.

Прикосновение прошлого

«Багровый призыв» едва закончил переход из Имматиума в реальность, как заревели сигналы тревоги. Боевые посты. Мы прибыли, и мы на войне. Альбинус и я входим в собор, который является мостиком ударного крейсера. Я восхожу по мраморным ступеням в апсиду. Здесь, в стратегиуме находится командир Четвёртой роты капитан Кастигон, окружённый впечатляющим количеством тактических дисплеев. Кастигон - образцовый воин. Благородный по рождению. В его орлиных, аристократичных чертах лица хорошо видно генетическое наследие нашего примарха, они выражают героический идеал, являющийся трагичной надеждой нашего Ордена. Нет даже намёка на «красную жажду» в облике паладина, стоящего предо мной. Хотя, я видел его в бою. Он – Кровавый Ангел, поэтому подвержен «изъяну». Но он из тех, чьи поиски исцеления столь решительны, что вселяют надежду, что оно и вправду существует.

Да будет так. Пусть его надежда наградит его душевным покоем.

Моё присутствие неприятно ему. Он хорошо это скрывает, но он обманывает себя, если считает, что может всё скрыть от меня. Я не чувствую себя оскорбленным. Я – воскрешённый, создание, не заряжающее оптимизмом. Я не воплощаю собой силу жизни. В лучшем случае я – вектор опустошения. Правда, есть мысль, скрученная, холодная и грызущая сердца многих моих братьев – это мысль, что, возможно, я нечто ещё более плохое. Кроме моих собственных действий, у меня нет другого ответа для них. Или для себя.

Кастигон кивает мне.

- Старший библиарий, – приветствует он.

- Это здесь? – спрашивая я.

- Да, - он указывает на гололит. Он показывает два корабля. Увеличение максимальное, но детали всё ещё можно различить. Маленький корабль – фрегат класса «Гладий». Он уступает ударному крейсеру в размерах более чем в два раза. Я осматриваю другие мониторы. «Нет перестрелки», - произношу я.

- Их взяли на abordаж.

Крейсер нам знаком. Это корабль предателей «Судьба боли». «Освященные», - бормочу я. Дважды предатели, космодесантники Хаоса, первый раз они предали свой священный долг перед Императором, отвернувшись от него, после – откололись от своего павшего легиона, порвав с Несущими Слово и отдавшись поклонению Кхорну. Они омерзительны, но нельзя относиться к ним с пренебрежением. Они будут сражаться до последнего воина, и у них есть свой козырь – демоны с готовностью откликаются на их призывы.

Присутствие Освященных неприятно, но мы не станем уклоняться от их вызова, мы просто разорвём их на куски.

Что меня реально беспокоит на дисплеях так точно не «Судьба боли». К этому кораблю я чувствую лишь чистую, священную ненависть. Меня больше беспокоит изображение «Гладия». Его имя – «Мучительная вера», и его здесь быть не должно. Он был потерян во времена Второй войны за Армагеддон. Но теперь эмпиреи вернули нам наш корабль. Я пристально смотрю на мерцающее зернистое изображение гололита, и нет у меня ни тепла, ни любви по отношению к блудному кораблю. Неожиданные беглецы из давних времен редко вызывают радость. Я прекрасно это знаю, спасибо «Затмению надежды». И моим братьям тоже.

Я размышляю над тем, что обнаружит абордажная партия на борту «Гладия». Я знаю, кого мы ожидаем найти. Будет ли он тем же космодесантником, что когда-то отправился на войну на Армагеддон? Я, например, нет.

- «Мучительная вера» не оказывает никакого сопротивления, – замечаю я. Я не заметил ни единого выстрела из их орудий. Похоже, что жизнь у Освященных слишком лёгкая.

- Возможно, не осталось никого способного сопротивляться, – ответил Кастигон.

- Что делает нашу миссию бессмысленной.

Кастигон задумывается на секунду, возможно, размышляя о немедленной атаке на «Судьбу боли», отложив вопрос с «Гладием» напоследок, каким бы он ни был. Он встряхивает головой.

- Нет, – отвечает он, – Мы получили сигнал. Он был послан кем-то на борту, и мы должны на него ответить. Поступить иначе – значит обесчестить себя и роту.

- Мы всё ещё получаем сообщение?

- Нет. Но это ничего не меняет.

Он прав. Даже больше, по моему мнению, чем он сам думает. Что-то ждет нас на Паллевоне. Мы должны встретиться с этим, невзирая на то, есть ли выжившие на борту фрегата или нет. Течения, которые я видел во тьме, слишком сильны. Какие бы случайные события ни произошли, мы достигнем центра вихря.

Но Кастигон также прав в отношении чести. Что атакуют предатели, мы должны защищать. А «Мучительная вера» несет эмблему Кровавых Ангелов. У нас нет выбора в том, что делать, но мы можем выбрать, как мы пройдем предназначенный нам путь.

- Мы атакуем корабль предателей, – объявляет Кастигон, – Выведем его из игры. Предоставим возможность нашей абордажной команде.

- Я поведу отряд, – я должен увидеть то, что появилось из варпа собственными глазами.

Абордажная торпеда несётся сквозь пустоту. Внутри неё – мы, послание правосудия. Через её смотровой блок я наблюдаю за разворачивающимся смертельным танцем крейсеров. Оба корабля являются настоящими левиафанами, несущими разрушение всему на своем пути, громоздкие в своих движениях, их действия похожи на перемещение континентов:

неостановимые, настолько неизбежные, что кажутся predetermined. «Багровый призыв» наносит первый удар. Лэнс-лучи пробивают щиты «Судьбы боли». Точные выстрелы. Пламя вырывается с левого борта. Корабль предателей платит той же монетой, но он стреляет из неудобной позиции, находясь бортом к «Багровому призыву», атакующего носом, когда профиль корабля наименьший. Сцена хорошо начавшейся битвы, это всё, что я успеваю увидеть, прежде чем мы начинаем прогрызать свой путь сквозь корпус «Мучительной веры».

Наша точка проникновения находится поблизости от такой же абордажной пробоины Освященных. Мы понятия не имеем, где находятся выжившие из числа команды фрегата, если таковые вообще существуют. Но мы можем следовать за предателями и воздать им по заслугам. Так что спустя несколько секунд после проникновения, мы выгрузились и начали продвижение по коридорам. Мы – багровый клинок, ищущий добычу.

«Мучительная вера» сохранила свой внешний облик, снаружи она была вполне узнаваема. Порухенный, израненный в боях, но всё же боевой корабль Кровавых Ангелов. Здесь, внутри, разрушения, причиненные варпом, стали более очевидными. Каменная отделка коридоров потеряла чёткость. Стены покрывали барельефы. Созданные умелыми руками ремесленников Баала, скульптуры представляли собой вдохновляющие картины великих побед и героического мученичества. Теперь они казались размытыми, смазанными, словно не до конца реальными. По камню бежали вены, вибрировавшие в моём периферийном зрении. Весь корабль стал пористым. Он прогнул. Совсем немного времени уйдет на то, чтобы корабль полностью разрушился, обратился в ничто. Но это не корабль-призрак. Я ходил по палубам такой мерзости, здесь что-то другое. «Мучительная вера» - это труп, которому не дали разложиться. Он опасный, но при этом вызывает жалость. И что же, мне интересно, так мучительно продлевает его существование?

Признаков жизни нет. Не видно даже рабов. Мы видели останки нескольких сервиторов, но они мертвы уже очень давно. Их тела сильно разложились. Это было необычное разложение. Они размылись, как и сам корабль, и вскоре о них не останется даже воспоминаний.

У Освященных был выигрыш во времени, и они им хорошо пользовались. Мы нашли пробитый погрузочный отсек, который был их точкой проникновения, но предатели его давно покинули. Они быстро продвигались по кораблю. Никаких признаков сражения. Вторжению Освященных никто не препятствовал.

Альбинус идёт на шаг позади меня, впереди сержанта Гамигина и остального отряда. Это не стандартное боевое построение, но командовать из тыла я не буду, а Альбинус бился рядом со мной с тех пор как... ну, еще до того, как создание, которым я сейчас являюсь, начало существовать. «Возможно, что на борту никого нет, после всего этого», - говорит Альбинус.

- Тогда кто отправил сообщение? – спрашиваю я.

- Вокс-сервитор, может быть, просто транслировал запись.

Небезосновательная гипотеза. Хотя, тоже неверная. «Мучительная вера» существует, а этого быть не должно», – отвечаю я. – Должна быть причина. И поскольку мы движемся вперед к неизбежности, поджидающей нас, я буду делать это с открытыми глазами и готовым к атаке. Я не могу отвернуться от собственной тайны, не стану отворачиваться и от любых других.

Хотя Освященные не оставляли следов в физическом смысле этого слова, есть и другие способы выследить их. Я могу видеть их порчу, шлейф развращенности остающийся после них. Он проедает вещество, из которого теперь состоит корабль. Я иду по следу разъеденной реальности.

- Они направляются не на мостик, - высказывает наблюдение Гамигин.

Он прав. И не в машинный отсек. Силовые агрегаты фрегата не интересуют противника. Странная тактика. Но в этом есть, между тем, что-то важное. Поклонники Хаоса развращены, вероломны, и их души поражены злокачественной раковой опухолью. Но большинство из них не безумцы, во всяком случае, не в такой степени, как нам хотелось бы, и они не глупцы. Они были бы вдвое менее опасны, если бы обладали этими недостатками. Если их заботит что-то, кроме контроля над кораблем, значит и мне стоит обратить на это своё внимание. Я начинаю понимать, куда ведёт нас след. Есть скрытая логика в цели предателей: «Им нужна часовня». Конечно, нужна. К чему ещё может стремиться отребья из банды Освященных? И где еще мы сможем отыскать того особенного Кровавого Ангела, призвавшего нас сюда?

Ярость от мыслей об осквернении, которое уже, возможно, происходит, полыхнула над отрядом. Я могу видеть злость. Её аура холодная, мерцающе-голубая. Это оттенок секундного оскорбления, хорошо рассчитанной, осторожной жестокости. Это ярость, которая питает войну, но не безумие. Она не несёт опасности для моих боевых братьев.

Хотя это не просто психический цвет. Это также вкус. Я знаю каждый его нюанс. Я питаюсь им. Я не уверен в том, во что это превращает меня самого.

Может это ещё один крючок сомнения, которое я ощущаю? Если так, то пусть это будет отметкой моей преданности, я принял его и использую, чтобы пройти путём чести. Пусть потом оно превратится в мою собственную ярость, которая сокрушит еретиков и предателей.

«Мучительная вера» небольшой корабль. Из этого, однако, не следует, что его часовня маленькое и скупое помещение. Наше почитание Императора должно быть достойно его. Коридор, ведущий к часовне, постепенно расширяется и становится выше, чтобы в его конце была возможность установить массивные стальные двери, за которыми находится неф. Двери невероятно прочны, спроектированы, чтобы укрыть священное сердце корабля, даже если он взят на abordаж, но против решительной силы ни один барьер на корабле не может сделать большего, чем просто задержать врага. Двери выломаны. Они лежат на палубе, как крышки

гигантского саркофага. От гравюр на них, изображавших деяния Сангвиния и Императора, остались смазанные воспоминания. Вспышки дульных огней разрывают приглушённый свет внутри часовни, которая видна за проходом.

Это кощунство не будет продолжаться. Голубой оттенок злости ползёт вниз по спектру к более дикому, опасному, насыщенному красному цвету. Я вынул свой силовой меч. Его имя – «Витарус», он древний, и он пролил целые океаны крови предателей. Тёмно-красные вспышки молний скользят по лезвию. Он голоден, как и мы. «Братья», - зываю я. Я не повышаю голос. Но его хорошо слышно повсюду, здесь в вестибюле и даже в часовне, куда он проникает между вспышками грохота болтерного огня. Я знаю эффект своего голоса. В нём звучит отголосок эха гробницы и холод бесконечной пустоты. Голос Калистария умер вместе с ним самим на Армагеддоне. Я занял его место, и мой голос – это звук тьмы. Пусть Освященные знают – Властелин Смерти пришёл за ними.

И я не один. «Кровью Сангвиния!» - ревёт Гамигин. Остальной отряд повторяет за ним, и стены сотрясаются от боевого клича Кровавых Ангелов.

Мы врываемся в часовню с жаждой мщения в сердцах и кровью в глазах. Я осматриваюсь, едва переступив порог. Внутри девять космодесантников Хаоса. Обезглавленное тело одного из Освященных валяется в нефти. Кровь, толчками вытекающая из обрубка шеи, более материальна, чем пол, который она заливает. Доминирующий красный цвет на доспехах Освященных очень похож на наш собственный, что особо злит нас при виде их в этом святом месте. Их присутствие здесь словно осмеивает нас самих. Я вколочу этот смех им обратно в глотки. У противоположной стены часовни одинокая фигура нашла убежище за алтарем. Точными выстрелами обороняющийся прижал противника. Алтарь, сделанный из цельного куска мрамора, задрапированного багровым, являлся крепостью в этом месте. Воина, укрывшегося за ним, непросто уничтожить. Он ведёт себя вызывающе, призывая проклятия на головы Освященных. Он пользуется витиеватым языком, диким и богатым теологией. Что однозначно выдаёт в нём капеллана. И хотя помехи вокс-динамиков шлема сильно искажают его голос, я всё же узнаю его. Он принадлежит тому, кого мы ожидали здесь найти.

Мой отряд веером расходится по помещению за моей спиной. Болтерные снаряды застучали по броне космодесантников Хаоса. Противник открывает ответный огонь. Двое из них продолжают штурм алтаря. Они бегут вперёд по разным сторонам нефа, стараясь обойти защитника с флангов. Остальные повернулись к нам, падая на палубу и отстреливаясь. Деревянные скамьи, оказавшиеся между нами, не могут обеспечить никакого укрытия, их разнесносит в щепки в считанные секунды. Вдоль стен, с каждой стороны нефа идут колоннады, но оба отряда устремляются к центру. Мы встретились на открытом месте. Вряд ли это будет изнурительная схватка. Она будет короткой и свирепой, вспышка войны, которой

так жаждут Кровавые Ангелы. Мы яростно атакуем, отвоевывая помещение. Да, оно обречено, как и весь корабль, но я хочу очистить его, прежде чем оно сгинет навсегда.

За дюжину шагов до неприятеля, я пробиваю хрупкую поверхность Имматиума, чтобы воспользоваться убийственным потенциалом варпа. Моя воля вбирает энергию, придаёт ей форму, а затем отправляет электрическое проклятье в моих врагов. Разум мой захватило одно единственное слово – жара. Инстинкты мои, полностью свободные в этот момент, обратились к единственной навязчивой идее – кровь.

Именно так обстоят дела с нашим Орденом. Кровь. Всегда кровь. Наша история, наше наследие, наше имя и надежда и конечный приговор. В конце, все они обращаются в кровь.

Нет ничего, кроме крови.

Передо мной трое Освященных завопили. Я чувствую, как мои губы растягиваются в удовлетворенном оскале. Чтобы космодесантник, даже падший, так орал, боль должна быть далеко за гранью описания. Я бы посмеялся, но этот навык умер вместе с Калистарием. Предатели спотыкаются на бегу и падают на колени. Движения их становятся спазматическими, едва ли контролируемые, а скоро и этого не станет. Они царапают руками шлемы, срывая их прочь. Они задыхаются, но воздух им всё равно не помог бы. Глаза их вытаращены, но они ничего не видят. Всё чем они являлись, подчинилось моей воли, а я велел их крови вскипеть. Вот так метафора о проклятии моего ордена претворилась в действие в буквальном смысле для этих несчастных созданий. Вопли их затихают, переходя в горловое бульканье кровью, пеной выходящей из их ртов, носов, ушей и глаз. Они мертвы, и я надеюсь, что их предсмертная боль останется с ними навечно в небытии.

Я отметил ужасный, но необходимый конец трех Освященных, но видел и оценил только его начало. Я знал концовку, и знал, что она не может быть иной, и краем восприятия я видел три тела с закипающей кровью. Я нанёс следующий удар, ещё до того как первые три подошли. Болт-снаряд врезается в мою броню справа. Удара достаточно, чтобы нарушить концентрацию какого-нибудь другого библиария, но если на это рассчитывал нападавший, то он реально не принял в расчёт опасность существа, противостоящего ему. Я устремляюсь к нему, прежде чем он успеваешь выстрелить ещё. Он поднимается навстречу, пытаюсь вытащить гладий. Слишком медленно. Я вонзаю «Витарус» ему в шею. К силе клинка добавляется алый свет моей воли. Клинок проходит сквозь сочленения брони. Он погружается в глотку и, выходя с другой стороны шлема, перерубает позвоночник. Я рывком отвожу меч в сторону. Освященный стоит ещё пару мгновений, словно не может поверить, что умер, затем падает.

Четыре трупа. Я оборачиваюсь в поисках других жертв. Я – возмездие. Является ли мой голод по разрушению тем же самым, что и жажда для моих братьев? Вопрос беспокоит меня, но исследовать его сейчас я не буду. К тому же такой возможности нет – не осталось живых противников. Отряд уничтожил остальных Освященных. Мой голод спадает.

- Братья! – одинокий защитник часовни выходит из-за алтаря, – Вы как раз вовремя.

Император явно осенил меня своей благодатью.

Он идёт вперед, снимая шлем: «Я возрадовался, при вашем появл...»

Он останавливается. Он пристально смотрит.

Он выговаривает имя, не произносившееся вслух никем со времен войны на Армагеддоне:

«Калистарий?»

Имя мертвеца.

Глава 2

Воскрешения

До Армагеддона. До улья Гадес, Рота Смерти и ударный отряд Экклезеархии.

Они осуществляли совместный штурм анклава Пожирателей Миров. Предатели обосновались на Арлезиуме. Их ересь бурей неслась по основному континенту мира и грозила распространиться по всей системе и за её пределы. Кровавые Ангелы прибыли, чтобы произвести всеобъемлющую зачистку. Космодесантники Хаоса захватили город-крепость Экастор. Калистарий стоял рядом с Квирином на входе в кабину «Громого ястреба». Они рассматривали приближающиеся рубежи обороны. Огонь ПВО пытался накрыть их. Пилот штурмового корабля уверенно и ловко лавировал, обходя разрывы снарядов.

- Нас ждёт славная битва, - произнёс реклюзиарх.

Библиарий кивнул. Они были связаны какой-то ритуальной линией, эхо их первой встречи в качестве скаутов, много миров и десятилетий назад. Калистарий должен был бы ответить: «Да будем мы благословенны так всегда». Вместо этого он сказал: «Хорус пожалеет об этом дне», произнося слова десяти тысячелетней давности. Голос у него был разъярённый, но пустой, как будто на самом деле это был не его голос.

Квирин пронзительно посмотрел на него: «Брат Калистарий?»

Он моргнул. «Да будем мы благословенны так всегда», – сказал он. Он не вспомнит, пока не наступит момент, своих других слов. Он не вспомнит, пока не наступит момент, как его разум скользил по течениям времени. А сейчас он заметил взгляд Квирина: «Что-то не так?»

- Надеюсь, что нет.

Я обладаю воспоминаниями Калистария, но они не мои. Это – знание, чистая информация о погибшем боевом брате. Ничего личного, никаких чувств к ним. Это события чьей-то чужой жизни. Я никогда не был Калистарием. Я никогда не исследовал сущность, населявшую эту оболочку ранее.

Но его помнит Квирин. И Квирин никогда не знал Мефистона. Квирин помнит старого друга, впавшего в «чёрную ярость» и сгнувшего под тоннами камня и щебня в составе Роты Смерти. Квирин и «Мучительная вера» были пойманы бушующим варп-штормом, вызванным интенсивной резней на Армагеддоне, ещё до того как Мефистон восстал из могилы.

Воспоминания о Квирине закончились вместе с Калистарием. Нахождение в его обществе беспокоит меня, словно часть Калистария выросла передо мной. Квирин тоже изменился за время его путешествия к этой точке, этой встрече. Время в варпе течет по своим законам, и Квирин прожил там несколько веков, если я правильно определил его возраст по глазам. Его броня, священная реликвия возрастом более десяти тысяч лет, выдержала испытание, сила и мощь её не снизились. Но блеск в его глазах стал тусклым свечением кремня. Вера Квирина всегда была тверда, как сталь, но фанатизм, который я вижу сейчас, на мой взгляд, хрупок.

Так я сказал себе, и я в это верю. Души моих братьев не могут укрыться от меня, и у меня нет причин не доверять собственным суждениям. Кроме этого, у меня достаточно причин опросить Квирина.

Мы снова на борту «Багрового призыва». Мы собрались в каюте капитана: Квирин, я сам, Кастигон и Альбинус. Ни реклюзиарх, ни я не служили с четвертой ротой на Армагеддоне. Альбинус, однако, знал обоих примерно столько же, сколько они знали друг друга.

Каюта Кастигона небольшая, но в ней достаточно места для маленьких встреч, подобных этой. В центре помещения стоит бронзовый стол. На его поверхности, украшенной изящным изображением перекрещенных мечей на фоне величественных крыльев, лежит одинокий инфо-планшет и установлен гололитический проектор. Ещё есть огромный смотровой экран оккулуса, через который мы вчетвером наблюдаем за последними мгновеньями существования «Мучительной веры». Я впечатлён подвигом Квирина. Потрепанный варпом фрегат существовал только благодаря одной единственной вещи – силе веры реклюзиарха. Такое достижение достойно преклонения, хотя я не могу назвать это большим сюрпризом. Квирин был легендой ещё до Армагеддона, легендой незапятнанной проклятием нашего ордена. Его исчезновение было тяжёлой утратой.

Лишённая святой воли, удерживавшей её от распада на куски, «Мучительная вера» скользит к своему финалу. Мы не теряем её в пылу космического сражения. Она не испаряется во вспышке плазменного пламени.

Она просто исчезает у нас на глазах. Её связи с реальностью распадаются. Она теряет чёткость, словно мы смотрим на неё сквозь слезы. Её присутствие тает, становясь сначала ярким сном, затем полузабытым воспоминанием. В конце остается лишь слабая идея самого существования корабля. И вот он исчез.

Я чувствую взгляд Квирина, упершийся мне в затылок. Я поворачиваюсь к нему лицом. Лицо его сурово, и на нём отражается осуждение. «Смерть пошла тебе на пользу, Калистарий», - говорит он.

- Я – не Калистарий, - твёрдо заявляю я. Лучше бы он запомнил это прямо сейчас. Лучше бы он принял это сейчас. И для друзей и для врагов одинаково не мудро заблуждаться на мой счёт.

- Ну, тогда Мефистон, - я слышу, что моё имя странно звучит из его уст, - Смерть Калистария пошла тебе на пользу.

- Это так.

- Что же ты такое?

Вопрос откровенно враждебный. Я растягиваю повисшую паузу до неприличия перед ответом. «Я – Мефистон, старший библиарий Кровавых Ангелов», - я говорю спокойно и рассудительно холодно. Больше говорить ничего не нужно. Я вновь умолкаю. Тёмными закоулками своего сердца я понимаю, что Квирин прав, стараясь узнать, что конкретно я теперь на самом деле. Но я не позволю другим спрашивать и беспокоить меня, по крайней мере, до тех пор, пока не буду знать ответы сам.

- Брат-реклезиарх, - встречает Альбинус, - Ты не видел деяний старшего библиария Мефистона, свершенных им, во время твоего отсутствия. Они говорят сами за себя.

- Как и его существование, - заявление Квирина не содержит даже намека на что-то хорошее.

Альбинус игнорирует иронию: «Совершенно верно. Мефистон вернулся к нам из «чёрной ярости». Разве это не причина для надежды? Во имя Императора, у нас её не так и много. Или ты собираешься дать Асторату снести ему голову в качестве упреждающей меры?»

При упоминании имени Астората, кожа на моем загривке напрягается. Спаситель Заблудших говорил со мной. Он никогда ни словом, ни делом не давал понять, что я должен быть ликвидирован. Скорее, это я – или осторожная, осмотрительная часть меня – на самом деле тот, кто предается размышлениям о возможной необходимости моего уничтожения.

- Надежда должна быть реальной, - продолжает Квирин, - не иллюзорной. По его собственному признанию Мефистон не вернулся из «чёрной ярости». А заменил собой лексикания Калистария.

- Это софистика, - протестует сангвинарный жрец

- Неужели? – возражает Квирин

Неужели? Я задаю этот вопрос себе, но молчу. Молчит и Кастигон. Его явно устраивает, что спор протекает без его вмешательства.

- Именно так, - отвечает Альбинус, - Да, имело место преобразование. И что с того? Победы, которые он одержал во имя ордена и Императора – вот, что действительно имеет значение.

- Ты веришь в это? – спрашивает меня Квирин.

Альбинус вновь встречается: «Он, к тому же, не единственный, кто смог одолеть «чёрную ярость».

Квирин небрежно отмахивается рукой: «Я бы не считал капеллана Лемартеса таким уж ярким маяком надежды, каким вы пытаетесь его представить. Он не одолел «чёрную ярость». Он может, во всяком случае, пока, управлять ею на поле боя. А когда он не сражается, то лежит в стазисе». Пристальный взгляд на меня: «Не участвуя в формировании судьбы ордена».

- Я думал не только о Лемартесе, - отвечает Альбинус, - Есть и другой.

- Я отнесусь к нему с не меньшим предубеждением. Два выродка неприемлемы также как и один. Это даже ещё хуже.

Уголки моих губ дернулись: «Считаешь меня мерзостью?»

- Мои слова можно понять как-то иначе?

- Твои слова однозначны. Но, может быть, ты сочтешь должным объясниться?

- «Чёрная ярость» определяет нашу суть, – Квирин говорит пылко и с сожалением в голосе. Нет ничего легкомысленного в его осуждении меня, также как нет и чего-то мелкого и банального вроде личной враждебности. Он не испытывает ненависти к Мефистону за то, что он занял место его друга Калистария. Он оплакивает потерю одного, но не принимает другого, теперь я пришёл к пониманию, проистекающему из глубоких религиозных убеждений. «Это основополагающий факт нашего существования в качестве Кровавых Ангелов, – продолжает Квирин, - Наша борьба с ней постоянна, как биение наших сердец. Если наши сердца перестанут биться, чем мы станем? Мертвецами. Если мы преодолеем «чёрную ярость», чем мы станем? Будем ли мы всё ещё Кровавыми Ангелами? Сможем ли мы? Ты вернулся из царства, откуда возврата нет. И что стоит передо мной? Смерть».

Ошибается ли он в том, что видит? Нет. Вся ли это правда? Нет.

Может ли вся правда быть ещё хуже?

- Смерть, - повторяю я. Я произношу слово так, как будто оно принадлежит мне. Оно моё.

Квирин похоже не заметил моего замечания. «Над тобой висит тень могилы, Мефистон. – говорит он, - Мы воины, возвращённые, обученные и натренированные, чтобы нести разрушение врагам Императора. Но, совершенно точно, что это разрушение служит ещё чему-то. Оно не конечно само по себе».

- Ты веришь, что именно поэтому я продолжаю жить? Чтобы нести необдуманное разрушение?

- Я не знаю что ты такое, старший библиарий. Но совершенно точно знаю, чем ты не являешься.

Губы мои подрагивают вновь, но я не отвечаю. Квирин будет верить в то, во что считает правильным. Нет смысла спорить с ним. Но что меня беспокоит больше так это то, что я не могу выкинуть его сомнения даже из собственной головы. Я изменился с нашей последней встречи. Точнее, начал существовать. Пребывание в варпе также оставило свой след на Квирине, но его трансформация куда как менее радикальна. Калистарий всё ещё знал бы этого Кровавого Ангела. Его воспоминания принадлежат только ему. Он – продукт продолжающихся опытов.

Кастигон прочищает глотку. «Это, конечно, важные дебаты, братья», – объявляет он. Впервые я чувствую, как сглатываю презрение, слушая капитана Четвертой роты. Я знаю, что он во многом согласен с Квириним, но он выбирает путь политика, избегая высказывать свое мнение: «Но у нас есть более неотложный вопрос касательно наших ближайших действий. Старший библиарий, вы сказали, что есть нечто очень важное на Паллевоне. Реклюзиарх, ваше возвращение, похоже, подтверждает этот факт. Я буду ценить ваши советы». Он не упоминает Альбинуса, Я полагаю, что Кастигон считает его некоего рода миротворцем. Если капитан и политик, то я бы назвал его осторожным.

Кастигон активирует гололитический проектор. Изображение Паллевона со стоящим на высокой орбите «Багровым призывом» появляется перед нами. Следов «Судьбы боли» нет. «Наша атака на корабль предателей была успешной, – говорит он. – Наш первый удар был мощным, и мы нанесли сокрушительный урон. Ход битвы складывался против врага, и он сбежал в Имматиум».

- Как непохоже на Освященных, – комментирую я. В моих словах нет иронии. Отступление не в правилах этой банды. Они дерутся до конца, а иногда и ещё дольше.

- Согласен, – отвечает Кастигон. – Логичным будет предположить, что выход из боя был стратегическим маневром.

- Кораблю было больше ничего не нужно в системе, – делаю я свой вывод. – Вы просканировали планету?

- Да, множество инверсионных следов, растаявших уже, большая часть сконцентрирована над городом Векайра.

- Вторжение, – говорит Альбинус, – Их силы уже полностью высадились.

Лицо Квирина становится маской ужаса. «Это не должно продолжаться, – выговаривает он, – Освященные должны быть уничтожены».

- Конечно, они будут уничтожены, реклюзиарх, – голос Кастигона звучит раздраженно от того, что его наставляют в таком деле, – Вы можете себе представить, чтобы мы сдали предателям мир Империума без боя?

- Прошу прощения, капитан. В мыслях не было оскорбить вас. Но на кону гораздо больше, чем вы знаете. Это важно, так что я расскажу об этом, когда рота будет вся в сборе. Великолепная, священная судьба ждет нас внизу.

Великолепная. Священная. Этим словам здесь не место. Я без усилий дотягиваюсь до течений варпа и прикасаюсь к ним. Они влекут нас на поверхность Паллевона. Тяга просто непреодолима. Ничего святого нет в той катаракте под нами, куда мы вот-вот погрузимся. Хотя Квирин тоже не лжет. Я исследовал его так же тщательно, как и он меня. Он не запятнан. Вера его легендарна. Она всегда была примером для прославления. Она пронесла его сквозь испытания в эмпиреях и теперь нацелила на Паллевон. На Векайру.

В катаракту. Во тьму.

Мы высаживаемся на Паллевон. Мы высаживаемся во всеоружии. Мы спускаемся на крыльях ярости, неся правосудие, неся разрушение. Мы идем, чтобы карать, проводить зачистку и вычищать. Атмосфера Паллевона разрывается от дождя из пламени и железа. Десантные корабли, транспорты и десантные капсулы устремляются к поверхности. Их посадка это ритм: удар, взлет, барабанный бой, поддерживающий симфонию войны.

- Братья, - говорит Квирин, - Во время моего изгнания в эмпиреях меня посетило видение.

Он говорил на посадочной палубе «Багрового призыва». Оружие было благословлено. Клятвы принесены.

Точка нашего сосредоточения – огромная равнина сразу за стенами города Векайра. Мы собрали свои силы в кулак. Мы стали самой ужасной осадной машиной.

- Под нами, - сказал Квирин, - есть святыня. Она посвящена нашему любимому примарху. Она была спрятана от посторонних глаз тысячелетия, но сейчас она раскрылась сама. Её существование – это награда за нашу веру. Это также вызов нашим качествам. Отыскать святыню и очистить её от мерзости падших, вот наша миссия. Это наша задача.

Про Паллевон известно довольно мало. Мы обладаем лишь обрывочными, разрозненными и древними данными. Я не отыскал при подготовке к десантированию ничего возрастом менее чем пять тысяч лет. В стороне от торговых путей, позабытый Адептус Администратум, Паллевон выпал из хроник. Это островок галактики, попавший в пузырь мрака. Он застаивался или поддавался разложению пять тысячелетий.

Не так давно я ходил по палубе корабля, исчезнувшего пять тысяч лет назад. Я не вижу здесь совпадения. Я вижу в этом замысел.

Мы высаживаемся. Мы готовимся к наступлению. Нет вообще никаких вокс-трансляций в эфире над Паллевоном. Подобная тишина ожидалась в отношении захваченной Векайры. Но весь остальной мир тоже молчит. Никаких внутренних переговоров. Не наблюдается мобилизация СПО. Только могильная пустота без движения.

Квирин закрепил на броне Кастигона печать чистоты. От печати тянется свиток с нанесенными на него литаниями для нашей миссии. Теперь наш путь стало невозможно изменить не только в поле судьбы, но и по долгу. Посадочная палуба наполняется гулом одобрения. Слова Квирина наполнили моих братьев надеждой.

Я не зову их глупцами. Я просто говорю, что они неправы.

Квирин, Кастигон и я стоим перед воротами Векайры. Мы смотрим со стен вниз по склону на равнину и на свирепое зрелище развёртывающейся Четвёртой роты Кровавых Ангелов. Солнце Паллевона относится к классу красных гигантов. Дневной свет выглядит как бесконечный закат, вечером световые потоки кровавого цвета отползают прочь к горизонту. В отсветах умирающего дня наш сборочный пункт обращает поток крови вспять. Багровый шторм подымается, чтобы смести всё на своем пути. Воздух разорван рёвом «Громовых ястребов», «Штормовых воронов» и «Штормовых когтей», сотрясающими землю рыками «Хищников Ваала», «Лэнд Рейдеров», «Рино» и уверенным, беспощадным топотом керамитовых ботинок.

Если бы только видения Квирина привели нас на эту планету, в этот город, в это время, то я бы констатировал безумие подобного развёртывания. Но Паллевон подвергся массовому вторжению сил предателей. Это установленный факт. На подобное осквернение мира Империи есть только один ответ. И мы его дадим.

Знаменосец Маркос присоединяется к нам. Он вскидывает наш стяг к небесам, в то время как Кастигон поднимает руки – в правой болтер, в левой – цепной меч. В этот момент политик ушёл. Остался воин, чемпион Императора, и нет никаких сомнений, что он достойный лидер Четвёртой роты.

- За Императора и Сангвиния! – кричит Кастигон, вокс динамики разносят его голос до дальних уголков сборочного пункта.

- Смерть! – приходит ответ. «СМЕРТЬ!» Столько мощи в одном слове, такая концентрация коллективной воли, что её одной почти достаточно, чтобы обрушить стены.

Мы выступаем. Мы выламываем ворота. За ними широкая главная улица, ведущая к внутренним районам города. Прямой линией она уходит вперед на две тысячи метров. Мы идем по ней единым целым, вооруженные огнём, оружием и яростью. Над нами летят корабли поддержки, сначала в формации, затем они рассыпаются для манёвров среди шпилей Векайры. Проспект заканчивается, разделяясь на узкие улицы, мы идем по ним, словно пальцы огромной багровой перчатки.

Мы не встречаем сопротивления. Нет никого, чтобы даже заметить наше появление. Ни одного огонька не появляется в слепых окнах башен с наступлением ночи. Вдоль улиц не стоят толпы перепуганных зевак. Никто не поёт гимнов и не воздаёт благодарных молитв.

Узкие каньоны улиц разносят гулкое эхо нашего марша. Эхо – единственный звук в городе. Это не город, а сборище монументов.

Кладбище.

Не по этой ли причине я чувствую родство с этим местом? Возможно ли, что я, Властелин Смерти, наконец-то нашёл свои владения? Если так, то ни впечатляют, богатые, обширные и величественные. Векайра на улей, но, несомненно, перед своим концом она уже почти достигла критической плотности, которая привела бы её к виду спирали-муравейника, что является жизнью и судьбой любого улья. Башни Векайры толкаются друг с другом, и как деревья в джунглях, тянутся к небесам, стараясь перерастить соперников, чтобы ухватить побольше света умирающего солнца. Уровень улиц – это царство вечной тени. С приходом ночи башни исчезают из виду. Лишь прожекторы наших машин выхватывают фрагменты зданий из тьмы. Они старинные, величественно-громоздкие. Это старый город. Смерть его пришла не с вторжением Освященных. Ничто здесь не жило уже долгие годы. Камни выпирают из башенных фасадов. Окна превратились в мертвые провалы величественных витражных розетт, ныне подернутых пленкой и заполненных лишь тьмой. Сводчатые аллеи ведут от шпиля к шпилю. Но красота поблекла, порушилась, раскрошилась. Время источило Векайру. Улицы замусорены упавшими камнями. Некоторые аллеи обрушились полностью, блокируя пути, заставляя идти в обход. Здания обветшали, стены подернуло рябью. Улицы города превратились в рваные линии. Тысячелетия минули, и ни одна рука не поднялась, чтобы противостоять им, камни разрушались ветром и дождями, градом и морозами. Ничто не ремонтировалось со времен Эры Отступничества.

Несмотря на всеобщий упадок, на то, что Векайра медленно обращалась в пыль, она всё же заслуживала уважение. Что-то уничтожило город. Смерть, должно быть, настигла его внезапно, потому как нигде не видно разрушений свойственных для впавших в варварство горожан. Соборы гордо возвышаются, неоскверненные и неразрушенные ничем, кроме самого времени. Жизненная сила была украдена из Векайры, и всё же он узнаваем. Город сохранил верность Императору.

Я отдаю должное его вере.

Зрелище стоической смерти, сквозь которое мы идём, очень кстати. Как раз такое, какое сейчас необходимо. Мне не понравился приём, оказанный видениям Квирина. Кровавые Ангелы уже страдали из-за грандиозных религиозных заявлений ранее. Я не допущу, чтобы мы попали в эту ловушку вновь. Наша встреча с этим городом безмолвных башен подрывает бездумный энтузиазм. Я замечаю, не без толики удовлетворения, что окружающая обстановка повлияла и на Квирина. Он хотя бы на время прекратил пророчествовать. Он идёт молча, шлем его поворачивается, когда он поочередно рассматривает открытые двери, пустые окна, а потом пустынную улицу. Он, Альбинус и я идём во главе колонны. Кастигон

перебазировался на «Рино» «Эхо Зорана» и командует с этого мобильного штаба на расстоянии двух перекрёстков от нас.

Квирин говорит: «Этот город вызывает беспокойство». Он честен, как всегда. Никогда не было никакой скрытности в реклюзиархе. Он обращается не ко мне. Это не диалог. Это – наблюдение.

Я всё же отвечаю: «Такая смерть и есть знак благословения Императора?»

- По-твоему это так? – резко отвечает он.

Я одаряю его ироничной полуулыбкой. Я отхожу в сторону, не ломая построение, а просто перемещаясь в тень.

Альбинус присоединяется ко мне. «Чего ты пытаешься достигнуть?» - спрашивает он.

- Научить его ценить сомнения в себе самом, – отвечаю я, - Разве это не является также эссенцией сути Кровавого Ангела? Помнить, что мы с изъязном?

- У тебя нет веры в нашу цель.

- Нет. А у тебя?

- Я верю, что мы приближаемся к чему-то грандиозному.

- Да уж это-то без сомнений, – я простираю свою руку в сторону центра города. – Грань с Имматериумом тонка здесь, и становится всё тоньше.

- Разве это не доказательство правоты Квирина?

«Вовсе нет. Я предупредил капитана Кастигона, что мы идем напрямик во тьму. И мы знали об этом со времен встречи с «Затмением надежды». Эта населенная демонами боевая баржа возвратилась призраком варпа пять тысяч лет спустя, после того как была утеряна. На борту я встретился с собственной статуей и звездной картой системы Паллевон. Насмешка Хаоса была просто осязаемой. С тех пор я постоянно чувствовал, что нас словно затащило в механизм адской машины. Машины, чья работа началась даже не тогда, когда мы ступили на борт корабля-фантома, а в тот момент, когда реальный корабль погиб.

- У тебя есть право изменить его приказы.

- Да, но Освященные должны быть сокрушены. Мы призваны. Однако нам следует соблюдать осторожность. Нетерпение здесь излишне.

- Возможно, то, что ты видел на «Затмении», не является темным предзнаменованием.

- С каких пор ты одержим подобной глупостью? – отрезаю я.

- С тех самых, как один из величайших капелланов нашего Ордена заговорил о надежде.

- Он не прав, поступая так.

- Надежды нет?

- Есть долг. Есть вера. Есть смерть. Этого достаточно.

Альбинус качает головой. «Нет, не достаточно», - говорит он, и переходит ближе к Квирину.

Я смотрю на город. Он понимает меня. Если бы он был населен, то люди бы поклонялись миражам собственных желаний.

Но у пустынного города нет никаких претензий. Он знает, как тонка завеса реальности. Он был избавлен от иллюзий.

Я всего в паре метров от ближайшего боевого брата. «Хищник Баала» «Флегетон» рычит в нескольких шагах позади меня. Но дистанция между мной и другими Кровавыми Ангелами на самом деле огромная. Они не могут постичь окутанных тьмой путей, которыми я сейчас следую. Я в свою очередь не стану делать вид, что отворачиваюсь от этих путей. Они для меня та реальность, с которой я не спущу глаз. Они также являются источником силы, которую я использую для защиты Империи. От этого я тоже не стану отворачиваться.

Звучит так, словно у меня есть выбор.

Квирин призывает: «Вперёд, братья! Мы почти у святыни! Благословение Императора с нами!»

Когда он триумфально восклицает, я чувствую, что границы с Имматиумом размываются ещё быстрее. Мы почти достигли эпицентра нашей судьбы. В этот же момент я осознаю, что некоторые окна зданий не так слепы, как казались ранее.

Ракеты расчерчивают ночную тьму.

Глава 3

Улицы Векайры

Место засады было выбрано очень хорошо. Улицы сужаются здесь и делают резкий поворот. Наши подразделения стеснены в действиях, загнаны в ограниченное пространство. Улица между зданиями превращается в жестокий узкий проход меж отвесных стен. Всё это проносится в моей голове в доли секунды, пока убийственный свет падает на нас. Ракеты обрушиваются с трех сторон. Превосходный огненный мешок. Выбраться из него невозможно.

Я бросаюсь к «Флегетону» в момент, когда ударные волны накатываются на меня. Воздух превращается в пламя. Меня словно проглотил дракон. Одна из ракет поражает броню в задней части «Флегетона», швыряя танк вперед. Он ударяется в меня, сбивая с ног. Но зато поврежденная машина обеспечивает укрытие от разрушительного воздействия взрыва. Огонь, бушующий вокруг меня – ничто, по сравнению с адским пламенем, разгорающимся в глубине моих глаз. Я чувствую себя разделенным на две половины, по-разному воспринимающими войну. Губы мои искривляются в яростном оскале. Я жажду крови врагов. В тоже время, холод безжизненной планеты считывает боевую обстановку и скользит по следам ракетных траекторий. Они приводят к окнам на высоте тридцати метров в зданиях слева, справа и перед нами, на повороте дороги. Мы в зоне поражения длиной с целый квартал.

Я с этим разберусь.

Атакующие с фронта становятся моими целями. Ярость, расчетливая, свирепая, я встаю один и расправляю свои крылья. Они вырастают из моих плеч багровыми арками сверхъестественной энергии. Создать их не стоит мне никаких усилий, настолько сильны течения варпа. В десятке метров позади подбитого «Флегетона» «Хищник» «Неудержимый» открывает ответный огонь главным калибром по зданию слева от меня. Я взлетаю вперед и вверх, выхватывая меч по пути к окну, подсвеченному вспышкой нового ракетного залпа. Я врываюсь, выламывая раму окна. Я призрак, скрытый во все уничтожающей крови, и все должны пасть предо мной. В комнате трое Освященных. Мы находимся в помещении, которое должно быть раньше было спальней, но теперь оно опустело, содержимое его обратилось в прах за прошедшие тысячелетия. Один из предателей перезаряжает ракетную установку. Другой, чемпион их грязных богов, делает выпад в мою сторону своим визжащим цепным топором. Третий – колдун, его я решаю оставить напоследок.

Я перенаправляю энергию из крыльев в свой меч. Я наношу горизонтальный размашистый удар. Воздух, сквозь который пролетает «Витарус», разрезан и кровоточит. Клинок с лёгкостью перерубает рукоять цепного топора. Этот предатель едва ли заслуживает моего внимания. Сознание моё теперь уже разделилось на три составляющие. Это ярость, беспристрастный наблюдатель, и мой клинок. Воля моя несёт разрушение на молекулярном уровне. Действия и мысли слились воедино, грация чистой смерти, и я обезглавливаю чемпиона. Голова его отлетает назад, ударяясь о плечо его брата, фонтан крови заливает комнату. Это мне по вкусу. Но этого недостаточно.

Освященный с ракетной установкой поднимает своё оружие. Возможно, он просто глупец. А, возможно, он представляет себе, что я такое, и готов пожертвовать собой, чтобы уничтожить меня. Возможно, и то, и другое. Он выпускает ракету, в упор, в ограниченном пространстве. Его действие сталкивается с моей волей. Прежде чем его палец нажимает на курок, я призываю щит. Он мерцает, блестит, как золото, как вера Сангвиния. Ракета взрывается, ударившись в него. Взрыв выжигает комнату. Предателя отшвыривает ударной волной. Внутри своего изломанного доспеха, он запекается до состояния угля.

Остается лишь колдун. Взрыв отбросил его к дальней стене комнаты. Он ошеломлен. Он шатается на ногах, какое бы демоническое заклинание он ни готовил, оно прервано. Моя воля захватывает его, прежде чем он попытается предпринять новую попытку. Я проникаю внутрь. Мой ментальный кулак сжимает его скелет, словно куклу. Он чувствует меня. Он борется, его обездвиженное тело дергается, как во сне. Его воля ничто по сравнению с моей, муравей, пытающийся сдвинуть колосса. Я презираю его до самых глубин своего сердца. Это, то во что хотели бы превратить меня боги Хаоса? Это лучшее из того, что они могут? Усилием мысли я поднимаю предателя в воздух. Подвешенный над полом он дрожит от напряжения. Он –

оголенный провод. Он пытается шевелить губами. Дыхание его прерывистое. Это начала слов. Он пытается закончить заклинание.

Я делаю шаг вперед. Вокруг меня реальность и варп сталкиваются и уничтожают друг друга в сполохах молний. Комната дрожит, её контуры изгибаются от накапливающейся силы. И вовсе не пытающийся пролезть в реальность демон является причиной этих деформаций. Причина - Мефистон. «Я убил князя демонов голыми руками, - говорю я колдуну из Освященных. - Как ты можешь надеяться призвать что-то вообще достойное моего внимания?»

Я сжимаю кулак. Пение превращается в сдавленный вой от невообразимой боли. Раздается звук, напоминающий хруст переламываемых сухих веток. Это его скелет превратился в пыль.

Стон прекращается. Я бросаю на пол комок превращенного в лохмотья керамика и поворачиваюсь к окну. Фасад, по которому вёл огонь «Неудержимый», превратился в груды дымящихся развалин. Из окон дома напротив вырывается струя пламени огнемёта. Я слышу грохот болтеров. Секунды спустя тела летят вниз на улицу. С засадой покончено.

Я оглядываю уровень улицы. «Флегетон» повреждён, но может двигаться. Альбинус стоит рядом с танком, урчащим на холостом ходу, в ожидании меня. «В чём дело?» - спрашиваю я.

- Брат-сержант Салеос погиб.

Командир «Флегетона». «Его гено-семя?»

Альбинус качает головой: «Я не смог спасти его. Он получил прямое попадание».

Тяжелая утрата. Одна из тех, за которую Освященные расплатятся сполна. «Сколько еще?»

- Одиннадцать, - он открывает нартециум, встроенный в его перчатку. Он показывает мне шесть цилиндров, содержащих драгоценное наследие наших погибших братьев. Остальных ракеты разнесли на части, нечего спасать.

Само существование Освященных является поводом для ведения войны на уничтожение. Но теперь они заслужили особый гнев.

Тела их станут погребальными кострами для них самих.

Мы идём дальше. Мы поворачиваем за угол, жаждущие крови. И мы её получим.

Освященные возвели баррикаду на нашем пути. «Флегетон» вырывается вперед, словно его дух машины жаждет мщения за нанесённые увечья. Его смонтированное спереди лезвие снесёт баррикаду, но ярость танка не дожидается столкновения. Пушка «огненный шторм» дает волю его гневу. «Флегетон» говорит на языке огня. Название подходит орудию. Это не просто огненный шквал омывающий баррикаду. Это горизонтальный вихрь, обрушивающийся с разрушительной силой солнечного пламени. Он убивает, плавит и испаряет. Силовая броня не способна противостоять ему. Предатели, защищавшие баррикаду, обратились в пепел.

А что за баррикадой? За ней узкие улицы, петляющие и разветвляющиеся, мы приблизились к границам старого города Векайры. Здания ещё более обветшалые и

потрепанные временем. От дорог остались только лоскутки покрытия. Мы стоим на перекрестке, и только проспект, уходящий вправо, достаточно широк для прохода бронетехники.

Квирин осматривается: «Если все мы пойдем дальше тем же путем...» - начинает он.

- Мы заслужим то, что случится, – заканчиваю я. Плотная концентрация войск в столь стеснённых условиях лишит нас возможности маневра.

В конце концов, у Освященных такие же проблемы.

- Объявите о нашем присутствии, – говорю я. Танки посылают шквал снарядов вперёд по пути нашего наступления. Фасады взрываются и обрушиваются. Пыль и дым, наши вестники, заполняют улицы. Мы разделяем свои силы, как и ранее, переходя к повзводным построениям. Гибкие, адаптирующиеся отряды разрушения, мы устремляемся в лабиринт узких улиц, лежащий перед нами.

Освященные встречают нас. Мы сражаемся квартал за кварталом, дом за домом. Сражение идёт злобное, уродливое, дикое. В этом лабиринте насилия будет легко сбиться с пути и потерять направление нашего наступления. Но судьбу не обманешь. Квирин ведёт нас к центру города, его видение тянет его и роту всё ближе, с всё возрастающей скоростью. «Сюда», - кричит он на каждом перекрестке. Я не нуждаюсь в его указаниях. Я вижу наш путь так же ярко, но мое виденье темнее, чем его, в принципе. Мы пойманы водоворотом энергий, и будем погружаться, пока нас не разобьет на куски о скалы мученической судьбы. Я не могу предугадать природу бедствия, ждущего нас, но я чувствую, что оно определенно есть. Оно набирает силу по мере нашего приближения. Уже сейчас, я слышу отдаленное эхо жестокого демонического хохота.

Почему я так упорно сражаюсь в этом роковом бою? Потому что мои братья сражаются так же непримиримо. Столь много связей с друзьями Кровавыми Ангелами проржавело и оборвалось за годы, после моего воскрешения, что едва ли можно сказать, что мы всё ещё на одной стороне реальности. Место, где я существую (я не могу сказать «живу», потому, как не уверен в этом), это царство неизбежной смерти, постоянное пребывание в разрушении. Мой дар, моя сила, в конце всего будут только они.

Ну и вот сейчас. Метр за метром, дверь за дверью битва бушует. Древний город, такой величественный в своей застывшей трагедии, сравнивается с землей. Здания обрушиваются, их фундаменты сносит артобстрел. Улицы превращаются в горы щебня. Я прорываюсь сквозь пару предателей, и заворачиваю за угол со своим отрядом. Мы вырываемся на разбитую местами дорогу, уходящую прямо от нас минимум на пятьсот метров. На дальнем конце улицы другой наш отряд появился из лабиринта перед нами. Когда они вступают в схватку с противником, мощный взрыв сотрясает основание башни, нависающей над ними. «Братья!» - кричит Альбинус, но их время вышло, так что его крик – не предупреждение, это скорее

воплъ скорби. Здание делает полный оборот вокруг своей оси, прощальный пирует, и падает, погребая под собой как Кровавых Ангелов, так и Освященных.

Мы взбираемся по щебню. Над нами кипит битва за господство в воздухе. Освященные выставили против нас два осквернённых «Громовых ястреба». Оба они красные от засохшей крови, а формы искажены струпьями. Они ограничены в маневре своими размерами, и могут использовать лишь широкие просветы между зданиями. С небес на наши войска обрушивается огненный дождь. Один шквал проходит по нам, пока мы находимся на открытой местности. Мы ныряем в укрытие из обломков камней, спасаясь от сильного взрыва. В горе мусора появляется кратер, взрыв уничтожает также и брата Баеруса. Оставшиеся в живых ползут к другой стороне обрушенной башни, в каньон улиц. Метрах в ста перед нами находится группа из примерно двадцати Освященных. Они ждут, когда «Громовой ястреб» сделает еще заход на нас, он всё ещё слишком высоко, чтобы мы могли его достать.

Навстречу ему устремляется «Штормовой коготь» «Величие войны». Наша машина меньше, более юркая, «Величие» маневрирует между шпилями в паре улиц от нас, обстреливая «Громового ястреба» снизу из сдвоенных лазерных пушек. Разгневанный пилот «Громового ястреба» бросает свою машину вслед за «Величием» в самую чащу башен. «Величие» закладывает вираж вправо, в сторону громадного жилого блока, корпус здания кажется приземистым, хотя оно выше окружающих его башен. Две машины несутся как кометы. В последнюю секунду двигатели с управляемым вектором тяги, установленные на «Величии» поворачиваются, их сопла внезапно нацеливаются вперед по диагонали. Мгновение спустя штурмовик уносится вертикально вверх.

Машине Освященных такой трюк не по силам. Она врывается в здание, алхимия войны превращает её в гром и пламя. Горящие обломки вперемешку с телами падают вниз на улицу. Теперь наступает очередь «Величия войны» пройтись над улицей на бреющем полете. Она летит низко, установленные по бокам тяжелые болтеры разрывают Освященных на куски.

Мы не останавливаемся. Мы бьёмся с врагом непрерывно. Даже если придется обратить всю планету в пепел, мы не остановимся, пока не уничтожим врага полностью.

Мы сражаемся на смерть, загоняя самих себя в пасть судьбы. И я знаю, почему мы сражаемся. Предатели должны быть уничтожены. Нет никаких сомнений или вопросов касательно этой цели. Но вот чего хотят от Паллеводна Освященные? Почему они с такой свирепостью пытаются остановить нас? Я чувствую ужасную иронию, притаившуюся в центре этой войны.

Пусть будет так. Передо мной теперь долг, заклятые враги, битва. И «красная жажда». Мои братья думают, что я сделан из куска льда. Возможно, могильный холод и заменил мне душу. Между тем, они ошибаются, считая, что «изъян» был вычищен из моей сущности. Я чувствую

его. Я знаю, что такое «жажда». Мне ведома опустошающая бездна «чёрной ярости». Они не оставили меня.

Но есть и кое-что ещё, не правда ли? За «жаждой», за «чёрной яростью», не голод ли это, который ещё темнее, древнее, больше. Тот, что поглощает всех остальных, может он приберет меня для себя. Не он ли это?

Нет. Я отвергаю его. Я отказываю ему. Я устремляюсь в яростные объятия битвы, насыщая свою ненависть кровью врагов. Я ликую, посреди выпущенного на волю холокоста варпа, холокоста, который есть не что иное, как проявление моей воли сокрушающей плоть.

Противник предается актам бессмысленного богохульства. Силы Освященных занимают позиции в соборе, нависающим над площадью, которая когда-то была огромной относительно храма, но впоследствии была застроена комплексами Министорума. Храм является реликвией, он уже был древним, когда история Паллевона остановилась. Он явно из времён ранних вероисповеданий человечества. Ему следует воздавать почести. Это – завещание, выражение веры, которое само по себе стало святым. Его осквернение, это непоправимая трагедия. Предатели появляются на паперти, посылая нам в качестве приветствия шквал масс-реактивных снарядов. Мой отряд прижат огнем. Фраг гранаты падает в середину нашего построения. Брат Мерихем получает прямое попадание, шрапнель разносит его мозг. На доли секунды мы выбиты из сражения.

Я надеюсь, что враги успел насладиться этим мгновением. Потому что для них оно будет последним.

Всё, что происходит дальше, занимает времени не более, чем предсмертный вопль. Я глубоко погружаюсь в варп. Я становлюсь проводником бесконечного уничтожения. Вокруг меня образуется водоворот. Воздух темнеет. Стержни моего психокапюшона окрашиваются в сверкающий багровый цвет. Реальность в моих руках обращается в ничто. Игрушка для моего гнева, годная только для того, чтобы быть сокрушенной. И я наношу удар. Я выпускаю энергии. Моя злость – это тотальный, финальный приговор. Паперть накрывает молниевый разряд эмпирей. Реальность захвачена моей волей и разрушается. Земля кричит, пожираемая фиолетовым огнем. С грохотом лавины собор обрушивается на головы осквернителей, принимая мученическую смерть в последнем акте преданности. Происходит грандиозная, ярчайшая вспышка энергии. Цвет не принадлежит известному спектру. Это цвет гнева, боли, вечной энтропии и ужасного, всепоглощающего голода.

Свет гаснет с электрическим треском. Зияющая рана в ткани реальности затягивается, но не бесследно. В агонирующих руинах перед нами слишком много пустот. Материя была уничтожена, со стороны, кажется, что само её существование стерли из бытия, как из прошлого, так и из будущего. Щебень перекручен. Камень искривлен, словно искаженные

мускулы. Его неслышный в обычном мире вопль будет длиться вечно. Кровь, настолько тёмная, что выглядит чёрной, разливается по развалинам. Он будет течь теперь всегда.

Именно так я и работаю.

В этом вся моя суть.

Я чувствую направленный на меня взгляд Квирина.

Баал Секундус. Крепость-монастырь Кровавых Ангелов.

Калистарий первым поздравил Квирина, когда тот вышел из Реклюзиума. Чёрная броня вышла из чёрного камня, тень из тени. Черепообразный шлем кивнул Калистарию: «Брат библиарий».

Калистарий поклонился: «Реклюзиарх». Он был первым за пределами башни, кто обратился с этим титулом к Квирину.

Квирин поначалу не ответил. Он стоял недвижимо, и Калистарий чувствовал, что взор старого друга устремлен на какие-то внутренние горизонты. Наконец реклюзиарх проговорил: «Велика честь, но велик и груз». Пауза. «Мне интересно, правда ли мы достойны того, что получаем?»

«Мы все недостойны благодати нашего примарха и его Великого Отца, – ответил Калистарий, – Мы все с изъязном. Наш долг признать это, стремиться к невозможному, и принять роли, которые судьба и орден приготовили для нас в бесконечном крестовом походе».

Квирин рассмеялся. Это был хороший звук, смех воина, обретшего правду в собственной жизни: «Хорошо сказано, брат. Говоришь прямо как экклезиарх. Временами я думаю, что тебе стоило пойти со мной этим путем, а не дорогой библиария».

«Нет, - качает головой Калистарий, - Я на своем месте. Не принимай мою констатацию факта за философию. Наши титулы это не просто повод для гордости. Они говорят, кто мы есть. «Реклюзиарх» - это не обращение. Это твоя суть».

- Властелин Смерти, – говорит Квирин. Его голос из шлема звучит как плоский электронный напильник. Эмоций нет. Правда, слышится ужас. И его теологическое отвращение тоже на месте.

- Так меня нарекли, и я действую соответственно, – парирую я. Я не оглядываюсь на него, пока иду в сторону руин. Моё внимание приковано к более важной вещи. За тем местом, где стоял собор, башен больше не было. Там пространство, достаточное, чтобы увидеть низкое небо Паллевона. Облаков нет. Свет тусклый, древний алый, угасающий на мгновение, затем снова набирающий силу, по мере возвращения солнца. Холодная, безмятежная красота небес

разрезана черным силуэтом. Узкий, заостренный, для невооруженного глаза это просто чуть более глубокая тьма. И я знаю, с ледяной уверенностью, что это на самом деле.

Это самая глубокая тьма.

Это эпицентр.

По сторонам всё успокаивается. Вокс-переговоры стихают тоже. После обрушения собора и потери «Громовой ястреба», Освященные решили отступить, может быть. Оставшийся штурмовик с рёвом пронесся над головами, удирая во тьму и более не атакуя. Противник, должно быть, признал, что мы расчистили себе дорогу. И более сдерживать нас в улицах города не получится.

Квирин умолкает, когда осознает значимость открывшегося нашему взору зрелища. Мы молча прокладываем путь по горам щебня. Мы выходим на простор. Перед нами сцена тёмного чуда.

Центр Векайры – это совершенно круглый амфитеатр. Здания подступают к самому краю чаши и резко обрываются. Некоторые утратили свои фасады, выставив на обозрение интерьеры, словно рассеченные клинком. Чаша амфитеатра огромна, достаточная, чтобы быть следом удара метеорита, и как доказательство этой теории, обнаженные камни несут на себе отпечатки сильнейшей мгновенной деформации. Что-то ударило в город здесь, ударило с невероятной силой. С другой стороны, круг слишком ровный, чтобы быть природного происхождения. Чаша симметрична и размечена концентрическими кругами. Угол наклона её склонов постоянный. Чаша является артефактом, шириной в несколько километров, созданная в приступе мгновенной жестокости.

Ни одна технология человечества не может сотворить такое.

На верхнем кольце я обнаруживаю, наконец-то, население Векайры. Точнее то, что от него осталось. Возможно, это последнее пристанище вообще всех людей Паллеводна. Эти люди пали. Окружающий город более не принадлежит им. Они – варвары. Их примерно несколько тысяч. Они живут в хижинах и лачугах, образующих маленькие поселения и представляющие собой не что иное, как просто сваленные в кучу камни. Они одеты в лохмотья. Волосы их растут жалкими, отвратительными космами. Кожа их покрыта налетом пыли и грязи. Они в ужасе толпятся в своих деревушках, дрожа и завывая, когда их взгляды устремляются вверх – на нас, или вниз – на позиции Освященных. Хотя на кольце чаши наблюдается растительность, следов культивации нет, также как и выпаса скота, или других средств пропитания. Я не вижу того, что сохраняет жизнь этим людям. Я склоняюсь к тому, что они живут в страхе. Я пересматриваю свое первое впечатление. Они не варвары. Они – животные.

Ниже этой толпы, амфитеатр являет собой обширное, застывшее поле боя. Я пристально смотрю на открывшуюся картину. Тысячи воинов застыли бездвижно в пыли боя. Мечи замерли в смертельных выпадах, длящихся вечно. Болтеры вскинуты, готовые к стрельбе.

Это ужасный, но величественный вид. Мгновение войны, пойманное в вечности. Все воины выглядят победителями. Ни один не похож на побежденного. Если движение возобновится, то оно сотрясет землю, потому как воины передо мной – космодесантники в доспехах возрастом в несколько тысячелетий. Хотя движения их были остановлены, они не в стазисе. Время частично существует для них, броня их подверглась разрушению за прошедшие века. Знаки отличия и цвета словно стерло песком. Я не могу сказать из каких они орденов. Лоялисты ли они? Предатели? И те и другие? Нет никакой возможности определить это. Здесь нет личностей, только бесконечная красота войны.

Я подозреваю, что воины являются богами для дикарей. Люди живут на внешнем кольце, притянутые удивительным зрелищем. Я не вижу следов жилья на поле боя, однако, и совершенно точно, даже я чувствую ауру святости, излучаемую недвижимым великолепием. Это кладбище, которому обещано воскрешение. Оно не должно быть осквернено.

В центре чаши стоит башня. Это высокий заостренный шпиль, всё ещё чёрный как ночь на фоне занимающегося кровавого рассвета. Он заканчивается столь острой точкой, что она должна резать сам воздух. Это стилет, созданный для убийц богов. У его основания Освященные занимают оборону. Они и вправду отступают, багровыми пятнами пачкая землю. Они окапываются за низкой стеной, окружающей башню. Она более походит на границу между полем боя и башней, чем на укрепление. Позиция предателей усилена также подошедшими «Рино». Эта бронетехника была гордостью Крестового похода десять тысяч лет назад. Теперь они подверглись демоническим трансформациям. Ощетинившиеся пиками, с намалеванными богохульствами, они находятся на подготовленных насыпных позициях, двигатели их рычаг, как дикие чудовища.

Я нахожу интересным тот факт, что Освященные выбрали это место для обороны. Их укрытие далеко от идеала. Они уступили возвышенность. Они намеренно поставили себя в невыгодную позицию. Башня должна иметь громадное значение, чтобы оправдать такие тактические ошибки.

Квирин восхищенно осматривает башню. Его череповидный шлем скрывает эмоции. Голос, выходящий из динамиков, плоский и искаженный. Но когда он заговаривает, обожание в его голосе присутствует совершенно точно. «Мы на месте! - кричит он через динамики и по воксу, - Братья! Вот наша цель! Перед вами находится невероятно важная святыня. Мы должны освободить её от ненавистных предателей. Присутствие их в этом святом месте оскверняет честь и славу нашего примарха! Уничтожьте их! Напоите землю их кровью! И тогда мы удостоимся самых великолепных почестей в нашей судьбе!»

Я вновь смотрю на башню. В ней нет даже намёка на то, что она воздвигнута в честь Сангвиния или Императора. Я вижу работу неровной точности. Я вижу форму оружия. И я не вижу больших различий между башней и воинами Хаоса, которые охраняют её. Я вновь

задумываюсь о её значении для них. Квирин верит, что она имеет особое значение для нас. Слабо верится в то, что Освященные будут так рисковать, чтобы просто оскорбить честь Кровавых Ангелов.

Я открываю личный канал связи с Квирином. «А эти обездвиженные воины, - спрашиваю я, - Кто и что они такое?»

- Я не знаю.

- Они часть той святости, которая по твоим словам нас ожидает?

- Этого я тоже не знаю, - он умолкает на секунду, - Они должны быть частью великого плана. Они слишком поразительные, чтобы быть просто случайностью.

Конечно, они часть грандиозного плана. Только вот чьего? И насколько он велик? У Чёрного крестового похода свои рамки величия. И нам их не охватить. Ничего из этого я не говорю Квирину. Он не приемлет никаких аргументов в пользу альтернатив с тех пор, как вышел из варпа. Его непреклонный догматизм сохранил ему жизнь во время испытания. Это может стать причиной смерти для всех нас. «Ты говоришь довольно уверенно», - отвечаю я ему.

- Не сомневайся во мне, возвращенец.

Я не обращаю внимания на оскорбление. Это ниже моего достоинства. Я удивлен, что Квирин скатился к такой мелочности. Его несдержанность - плохой знак. Он не думает рационально ни о башне, ни обо мне. Он забывает мой ранг. Но меня не волнует пренебрежение. Меня волнует путь, на который нас затаскивают. «Я не сомневаюсь в твоих убеждениях, реклюзиарх», - отвечаю я.

- Можешь также не сомневаться в правдивости моих слов, - парирует Квирин. Он указывает на башню. - Если ты не чувствуешь силу святилища, то ты не достоин своего титула.

Я вновь игнорирую нападки на меня. Я не заинтересован в бессмысленном обмене колкостями. Квирин прав. Отрицать силу, излучаемую строением, значит просто закрыть глаза на факт её существования. Это центр варп-шторма, за которым я шёл. Энергии сходятся здесь, прибывая с каждой секундой. Это центр водоворота. Эта точка, к которой Четвёртую роту и меня вели с тех самых пор, как в системе Саплициума мы вступили на борт корабля-призрака «Затмение надежды». Наше право выбирать свой путь было превращено в печальную насмешку. Каждый наш шаг был спланирован внешней силой, силой, у которой не может быть ничего общего с нашим уважаемым примархом. Глядя на башню и застывших космодесантников, я понимаю, что этот момент готовился тысячелетиями. Квирин, один из самых наших легендарных капелланов, празднует это олицетворение неизбежности.

Он глупец.

А я? У меня есть долг. Присяга. Миссия.

А вот выбора у меня нет.

И правда, даже без увещеваний Квирина, возможный путь был бы только один. Перед нами предатели. И нельзя позволить им жить дальше.

На краю чаши воссоединяются силы Четвёртой роты. Но мы должны воздержаться от применения всей нашей мощи. Наша задача – захватить территорию, а не разнести планету на куски. Даже когда Кастигон начинает переговоры с экипажами танков, Квирин встречает: «Башня не должна пострадать», - говорит он.

Признаться, я не верю, что это возможно сделать чем-то таким банальным, как артиллерия. Но поскольку полной уверенности нет, то мы будем действовать согласно указаниям реклюзиарха. Мне также неприятна мысль, о тяжёлых снарядах, падающих среди застывших воинов. Хотя мне неизвестна их принадлежность, вероятность осквернения велика. Я не буду участвовать в подобном. И мои братья тоже.

Кастигон совещается с Квирином, мной и сержантами. Идея рождается, перерастает в план и становится действием. Атака будет проведена с двух направлений. Кастигон с частью сил атакует с фронта. Я возглавлю остальных.

Мы ударим с воздуха. Мы станем самым ужасным дождем.

Глава 4

Икона

Наш примарх обладал крыльями. Он единственный из двадцати сыновей Императора нес на себе подобную мутацию. Только он мог летать без помощи технических приспособлений или психических сил. Мы, те, кто отправились в небеса, чтобы обрушивать гнев Сангвиния на головы отступников, не обладаем этим даром, но в нас есть генетическая память о нем. Характер нашей атаки, однако, это форма поклонения. Мы – эхо нашего примарха. Его благородная ярость звучит сквозь тысячелетия. Его мщение Великому Предателю никогда не закончится, оно будет продолжаться, пока будет существовать хотя бы один Кровавый Ангел, способный поднять меч или болтер.

Или летать.

Кастигон и основные силы Четвёртой роты атакуют первыми. Они спускаются по склону амфитеатра, словно багровое копьё, нацеленное в сердце Освященных. Багровый – это цвет правосудия, а ещё это цвет гнева. А когда дело касается нас, то различий, по сути, нет.

Между застывшими воинами почти нет мест пригодных для движения бронетехники. Лишь избыток свободного времени позволил Освященным провести свои «Рино» вниз, к башне, окольными путями. Я замечаю, что предатели также бережно отнеслись к стоящим повсюду

воинам, как и мы. Значимость этого факта, пока является тайной для меня, а мои братья просто не обращают внимания на это.

Я выступаю с двумя штурмовыми отрядами. Они летят на реактивных ранцах, кометные хвосты прочерчивают в небе дугу их атаки. Я вновь разворачиваю свои кроваво-красные крылья, в их сотворении я чувствую руку Сангвиния. Мой примарх направляет мой полет. Направляет мою руку. Он рядом с моим плечом в тот момент, когда я обрушиваюсь на врага. Его гнев заключен в той смерти, которую я несу.

Освященные замечают нас. Наши наступающие наземные войска выпускают целый шквал болт-снарядов, подавляя сопротивление врага. Выстрелы, долетающие до нас, слишком рассеяны, чтобы сбить нас с пути к цели. Но, мы всё же теряем брата Кимереса, когда удачно выпущенный снаряд пробивает его прыжковый ранец. И он взрывается. Объятый пламенем он падает на землю. Взрыв не убил его. И падение тоже. Хотя приземлился он плохо, получив ранения при ударе. Предатели не дают ему шанса опомниться.

Мы приземляемся между линиями обороны противника и башней. Наше оружие посылает смерть противнику. Штурмовые отряды прореживают ряды врагов болтерами. Пойманные перекрестным огнем, некоторые Освященные не могут сделать большего, чем просто умереть, их тела и броню покрывают выбоины попаданий. Мое сознание выходит за пределы меня самого. Я охватываю всё пространство до ближайшего «Рино». Я проделываю в ткани реальности широкий разрыв. Визжащий вихрь Имматериума проникает сквозь щель. Эти отступники продались Хаосу? Ну, тогда пора их отправить к нему. Бытие искривляется и рвётся. Энергии, не принадлежащие этой реальности, хищно сверкают, голодные и разрушительные. Вихрь вытягивает «Рино» с его позиции. Он сминает заднюю часть машины, искажая само её существование. Реальное и выдуманное, настоящее и невозможное встретились в одном объекте. Парадокс слишком сильный. «Рино» взрывается. Броня отслаивается, разрывается на куски и несётся сквозь воздух как гигантская шрапнель. Взрыв огромен. Это общий предсмертный рёв боеприпасов и прометиума. Окружающее пространство окатывается огнем. Стоит дикий звон. Дыра в материи закрывается, оставляя после себя выпотрошенные и вывернутые наизнанку тела.

Я приземляюсь в окружении багровых молний. Я рефокусирую свои психические силы, сосредотачивая их на «Витарусе». Сияние клинка ослепляющее, словно кровь из сердца солнца. Я пробиваю им лицевую пластину атакующего меня предателя. Лезвие проходит сквозь броню, словно той вообще не было, и превращает мозги в кисель. Сила, потребовавшаяся на это убийство, пришла ко мне легко. Связи с энергиями здесь просто невероятны. Я чувствую, что мог бы стянуть луну Паллевона с орбиты и обрушить её на поле боя.

И есть ещё злоба. Её присутствие здесь ощутимо. Она огромна. Она наполняет меня своим тёмным экстазом. Внутри меня начинает шевелиться Красная жажда. Ничего не стоит поддаться ей, став безумным, все уничтожающим разрушителем. Жестокость, сквозящая в сообщения по воксу, свидетельствует, что мои братья столкнулись с этим феноменом в такой же мере. Мы на грани массового безумия.

Оборонительные порядки противника превращаются в котёл. Ненависть сталкивается с яростью. Это ближний бой, кровавое мясо, насыщающее голодную утробу нашего ордена. Мы сражаемся как обособленный отряд, потроша врага изнутри, в ожидании подхода главных сил. Я наношу удары во все стороны. Враги полностью окружили меня, поэтому недостатка в целях нет. Я с радостью убиваю их всех. Силы варпа с треском наполняют каждый мой удар смертью. Мой плазменный пистолет стреляет постоянно, невзирая на риск, сопровождающий выстрелы в упор, я в восторге от невысказанной жары, поглощающей моих врагов. Плоть и броня сплавляются воедино, и я расширяю пределы царства смерти.

Что-то ударяет меня. Удар очень сильный. Он мог бы снести стену, но этот молот нематериален. Я пошатываюсь, рассеивая обрушившуюся на меня энергию. В воздухе витает запах озона смешанного с кровью. Я удерживаюсь на ногах и разворачиваюсь к противнику. Прежде чем колдун Освященных успевает подготовить следующий энергетический удар, я захватываю сущность его черепа. И превращаю его в пыль.

Предатели сражаются упорно. Они перестраиваются в плотные группы, керамитовые кулаки, оцетинившиеся болтерами. У них явно есть свои виды на башню. Они не оставят её так просто. Но численность и время играет против них. Наша атака с воздуха нарушила их оборонительное построение. Основные силы Четвёртой роты обрушиваются на предателей подобно прибойной волне. Кастигон на острие атаки, в первых рядах преодолевает стену. «За Сангвиния!» - кричит он, его голос эхом отражается от башни.

Квирин бежит сразу за ним: «За Императора!» Его клич – это прославление, гимн и призыв. Это оружие само по себе. Жестокость веры в его звучании - это напоминание о величии Квирина. Несмотря на наши разногласия, я не буду отрицать ту силу, которую он приносит на поле боя.

И вслед за кличем Квирина приходит ответ. «Смерть!» - режут мои братья. «Смерть!» Все они, хор судьбы. «СМЕРТЬ!» Песня, удар, неуправляемый марш. Ничто не может противостоять такой силе.

В итоге ничто и выстаивает. Освященные не отступают, они просто отброшены. Они дерутся на пределах возможностей, но этого недостаточно. Они должны отступить. Так они и делают, каждый потерянный метр земли завален телами, но, в конце концов, их выталкивают на северный склон амфитеатра.

Мы не преследуем их. Так же как и Освященные мы укрепляемся вокруг нашего приза.

«Обеспечить периметр, – приказывает Кастигон, – Покажите противнику, как это надо правильно делать». Мы тоже используем стену в качестве основы обороны, но только наш барьер укреплен численностью и праведностью. Необходимость находиться рядом с башней проявляется на уровне инстинкта. Я сам это чувствую. Я всё ещё не уверен в святости этого места, но полон решимости удержать его в наших руках. Я знаю, что это эффект слияния энергий. Но моя осведомленность не снижает силу его воздействия.

Освященные отступают за пределы досягаемости нашего оружия. «Штормовые когти» терзают их до тех пор, пока они не растворяются в улицах города. Я вижу в небесах кувыркающийся огненный шар – второй «Громовой ястреб» предателей нашёл свою смерть. Теперь у нас достаточно времени для укрепления позиций вокруг башни.

Правда, я не знаю, зачем мы хотим это сделать. Я не знаю, почему мы подражаем поведению Освященных. Меня беспокоит тот факт, что именно это мы и делаем. И вот ещё что: предатели использовали «Рино» только в качестве опорных пунктов. Но ни разу не открыли огонь из танковых орудий. Они могли бы намного дольше сдерживать нас, применили бы тяжёлые пушки. Похоже на то, что они не желали повредить застывшим воинам, так же как и мы.

Я никогда не сталкивался с силами архипредателя, которые бы переживали о возможном осквернении.

Что это за штука, которая нам досталась?

Пыль битвы оседает. Вместе с ней убывает и ярость. Наша рота сумела сдержать собственные дикие инстинкты. Ну, во всяком случае, большинство. Прогуливаясь по нашим позициям, я насчитываю достаточно боевых братьев, уступивших «чёрной ярости», чтобы начать беспокоиться. Альбинус отправился выполнять мрачные обряды своего ремесла. Квирин сопровождает его в этом скорбном походе, бормоча литании, пока потерянных братьев обездвиживают и погружают в бессознательное состояние перед отправкой обратно на «Багровый призыв». Их перевод в Роту Смерти ещё впереди, а затем и их конец – в лучах славы последней атаки или на лезвии топора Астората.

Есть ещё братья, для которых больше не будет искупительных битв. Они слишком глубоко погрузились в «красную жажду» и уже никогда не вернуться. Всё, что ждет их впереди – камера в Башне Амарео на Баале. Они не проживают вновь события великой обороны Терры. Они обезумели и впали в бешенство. Вокруг их ртов видны следы крови павших от их рук врагов, и утоление этой жажды – единственный инстинкт, который у них остался. Они желают крови, и неважно чьей. Молитвы, которые над ними читает Квирин – самые скорбные. Эти воины впали в самый ужасный аспект нашего «изъяна». Они стали воплощением всего самого худшего, заключенного в нас. Они стали тем, чему все мы, оставшиеся, должны сопротивляться изо всех сил. Впасть в такое состояние – страшное унижение.

Никто ещё не переступил порога башни. Я вежливо ожидаю Квирина. Нас направляет его видение. Пусть он прочувствует честь возглавлять поход внутрь. Или оскорбление. Ожидая, я исследую внешний вид башни. Она является вовсе не тем, что я ожидал. Это необычная конструкция. Похоже, что она полностью выстроена из оружия. Древнее и современное сплетены воедино. Мечи, топоры, цепи, булавы, ружья, пистолеты, силовые кулаки и многое другое - всё это здесь. Они соединены друг с другом идеально, словно в изготовленной на заказ броне. Башня создана из войны.

Это впечатляет. Никогда я не видел ничего подобного. Но где же связь с Кровавыми Ангелами? Нет и следа руки Сангвиния в облике этого строения. Видимо, стоит поискать его внутри.

Когда обряды в отношении погибших в битве или впавших в безумие братьев закончены, Квирин ведет нас к воротам башни. Вход просто огромный, достойный любого собора. Готическая арка нависает над нами. Дверь массивна. Её конструкция является многоуровневым парадоксом. На вид она сделана из кованого железа, но материал намного плотнее и тяжелее. С другой стороны он кажется гораздо более лёгким. Он наводит на мысль о возвышении. Вид, вырезанный в металле, создает этот эффект. По началу, он воспринимается как запутанная картинка из штрихов, ничего конкретно не значащая. Но посмотрев на её несколько секунд, я вижу перья. А затем я вижу крылья.

Квирин останавливается в нескольких шагах от ворот. «Смотрите братья мои, - говорит он. Смотрите». Он говорит почти шепотом, но этот шёпот хорошо слышен в тишине, которая повисла над ротой. Даже те, кто находится слишком далеко, чтобы видеть детали, захвачены магией благоговения, спустившейся на нас.

Что касается меня, то я не чувствую никакого предвкушения. Я чувствую сильное беспокойство. Я остаюсь в той же степени уверенности, что впереди нас ждет ловушка, в какой находится Квирин, предполагая, что мы стоим перед святыней. Я одинок в своих убеждениях. Кастигон и Альбинус, сняв шлемы, пристально смотрят на ворота, и есть что-то похожее на поклонение Квирина в выражениях их лиц.

Квирин делает медленный шаг вперед. Потом другой. Он подходит, чтобы коснуться двери. В его движениях нет торопливости. Есть ощущение, что ему не охота ставить точку в этом акте поклонения. Если так, то не потому ли, что какая-то его часть допускает получение доказательства своих ошибок?

Я исследую свои собственные мотивы. Хочу ли я, чтобы Квирин оказался неправ? Нет. Я не ищу себе оправдания. Я точно знаю, что прочёл в течениях варпа. Я знаю, что испытал на борту «Затмения надежды». С той статуей и звездной картой, корабль был самой очевидной приманкой, какую только можно выдумать. И всё же мы здесь, притащенные, чтобы быть

пойманными на крючок, да ещё и улыбаемся, словно нам это нравится. Мы пойманы мерзостью, и вся её суть в полной мере раскроется, едва Квирин отворит дверь.

Квирин касается рукой металла. Всё что он делает – просто дотрагивается. Не прилагая никаких усилий, чтобы сдвинуть огромную массу двери. Нет никакого замка, чтобы взламывать его. Как будто наш путь сюда был настолько полон борьбы, что теперь нас просто наградят объектом наших поисков. Звучит слишком хорошо, чтобы я мог в это поверить. Но дверь открывается. Её делит пополам невидимый шов, две половины распахиваются, впуская нас в самый центр водоворота. Мы переступаем порог.

Я не верю собственным глазам.

Внутри башни одно единственное помещение, уходящее вверх на всю высоту шпиля. Снаружи не было видно никаких окон, но они определенно должны быть, скрытые в элементах архитектуры, поскольку сверху струится свет. Красный свет солнца Паллевона отфильтрован, словно пропущен через витражное стекло, заполняет комнату косыми лучами всех оттенков красного цвета. Эти оттенки не что иное, как вариации пламени и крови: скучное свечение гаснущих углей, ослепляющее сияние огненного шторма, оттенки свежей крови, старой крови, артериальной крови, оскверненной крови. Закрученные в спирали диагонали красного, упирающиеся в то, что лежит на большом мраморном помосте в центре зала.

И что же во имя Сангвинарной Чаши на постаменте? Это статуя из золота, серебра и камня, упругого как мрамор, но выглядящего как рубин. Это Сангвиний, запечатлённый в последние мгновения перед своей мученической смертью. Проклятого Хоруса нет здесь, но ощущение его смертельного удара есть, словно наш примарх пойман в вечном падении. Статуя выполнена в натуральную величину. Детальность её поражает. Среди нас нет никого, жившего в день, когда Сангвиний погиб, но наше генетическое наследие закодировано в памяти, и я знаю, все мы знаем, что видим перед собой совершенную копию. Это – Сангвиний. Черты лица – само воплощение благородства. Каждая деталь его брони, робы из карнодона, изгибы крыльев, положение перьев – всё это за гранью понимания. Я ошибаюсь – это не совершенство. Это – реальность. Это самый ужасный момент в истории нашего Ордена, момент рождения «чёрной ярости», воплощённый в искусстве.

Зрелище статуи это удар, с уровнем и масштабом которого никто из Четвёртой роты ещё не сталкивался. Он сокрушительный. Тишина, с которой мы входили в башню – ничто, по сравнению с той, которая накрыла нас теперь. Вся рота заходит в зал, топот ботинок каким-то образом поглощается колоссальной, благоговейной тишиной. Словно все слова закончились, и ничего не будет более сказано впредь.

Это иллюзия, конечно. Обман. Будут ещё слова. И я не приму правдивость этого зрелища. Оно не может быть тем, чем пытается себя провозгласить голосом золота, серебра и крови.

Квирин не испытывает сомнений. Он достиг вершины трудов всей своей жизни. Он широко разводит руки. Ему предстоит нарушить тишину. Он делает это так, как и подобает реклюзиарху Кровавых Ангелов. Он не шепчет. Он отвечает громогласной тишине статуи своим собственным громом. «Братья Четвёртой роты Кровавых Ангелов, - восклицает он, - Узрите Сангвиния».

Он падает на колени.

«Сангвиний!» Все голоса сливаются воедино. Эмоции тоже едины – коллективное, всеобщее восхищение. «Сангвиний! Сангвиний! Сангвиний!» Пыл в этих словах, мог бы сотрясать миры. Затем вся рота в унисон следует примеру Квирина и преклоняет колени перед статуей.

Я не кричу со всеми. И не преклоняю колени. Я не обездвижен статуей. Я чувствую удар так же, как и мои братья. И я потрясен. Но я уже видел фальшивые чудеса. И я чувствую каждый шаг судьбы, приведший нас сюда. Путь наш был определен богами, тёмными и ложными. Энергии варпа столь сильны, что грань с реальностью не толще паутинки, хрупкой, как древний пергамент. Здесь явно идет грязная игра.

Так что я стою в одиночестве, в акте неподчинения. Я знаю то, что знаю. Меня не поколебать. Но сомнение. О, Трон, сомнение. Если я ошибаюсь, тогда узрите два момента: страсти Сангвиния и проклятие Мефистона.

Глава 5

Тьма поклонения

«Вот и вся правда о Мефистоне», - обращается Квирин к роте. «Ты не Кровавый Ангел», - а это уже мне лично.

Я сдерживаю ярость, готовый взорвать Квирина прямо там, где он стоит, за такое оскорбление. В этой игре слишком много опасных неизвестных, и я не допущу эскалации конфликта. Но у меня также есть и честь. «Забери свои слова обратно, реклюзиарх», - отвечаю я. Часть моей злости выходит из-под контроля. Слова мои – шипение ветра, пролетающего над ледником. На доли секунды иней покрывает каменный пол передо мной.

«Забрал бы, если бы просто собирался оскорбить тебя, - говорит Квирин, - Но это не так. Я просто стремлюсь разоблачить опасную иллюзию». Он стоит на помосте, почти касаясь статуи, но сохраняя дистанцию в несколько почтительных сантиметров. Остальные мои братья продолжают стоять на коленях, большинство с опущенными головами. Немногие, включая Альбинуса и Кастигона, смотрят назад на дверь, вдаль между мной и Квирином. Они не говорят ничего.

Квирин продолжает, его голос почти вежливый, щадящий к моему упавшему статусу. «Ты должен понять то, что с тобой случилось», – говорит он.

«Поведай же мне». Я должен точно знать, во что он верит.

«У тебя нет души, старший библиарий», – он вкладывает всю силу его ранга епископа в это заявление. «Ты победил «чёрную ярость». Ты не реагируешь на святость иконы в этом хранилище. Это всё симптомы одного и того же состояния». Он широко разводит руки, приглашая в разговор наших коленапреклоненных братьев. «Что значит быть Кровавым Ангелом? Это значит страдать от «изъяна». Это наша трагедия, но это так же то, что отличает нас. Присмотритесь к природе «изъяна». Он больше не обращается только ко мне. Он начинает проповедь. «Если бы он заключался только в «красной жажде», то можно было бы воспринимать его как проклятье, генетический порок, который поражает наш орден униженным разрушением. Но есть также и «чёрная ярость», и, во имя крови Сангвиния, разве это не благословение? Обладать воспоминаниями нашего примарха. Разве нет в каждом из нас той части, которая приветствует подобную участь? Да, «чёрная ярость» – это наш приговор, но это также самая живая нить, связывающая нас с нашим генетическим отцом. Она поддерживает в наших сердцах пламя праведной мести». Он умолкает, опускает руки и смотрит на меня. Череп его шлема выглядит осуждающе. «У тебя иммунитет к «чёрной ярости», Мефистон. Таким образом, ты избавлен от идентификатора нашего ордена. Ты более не можешь знать, что значит быть Кровавым Ангелом. Ты доказал это. На тебя не действует то, что находится за моей спиной».

- Иммунитет? – я оскорблен подобным предположением.

- Ты боролся и одолел «чёрную ярость». Это дало тебе иммунитет.

Может ли Квирин на самом деле быть таким глупцом? Может ли капеллан, чью эрудицию так уважал Калистарий, быть таким узколобым? Время, проведенное им в варпе, не пошло на пользу его рассудительности. Его аргумент – это не теология. Не философия. Это ерунда. Квирин толкует значение «чёрной ярости», хотя сам её не испытывал. Из всех присутствующих здесь Кровавых Ангелов, только мне выпала подобная судьба. И хотя я смог пробить себе дорогу обратно, мне пришлось за это заплатить. Да, Квирин, твой друг Калистарий мёртв. Но не думай, что Мефистон не помнит о борьбе под горами щебня, об отчаянном сражении за свой собственный рациональный разум против всепоглощающей власти «изъяна». Я борюсь с тёмными течениями ярости каждую секунду своего существования.

Моё уважение к Квирину разбивается на мелкие кусочки.

И всё же.

И всё же я не показываю, что оскорблен. Я, по сути, даже не чувствую себя оскорбленным как следует. Хотя он и не ведает, что нанёс удар правильно, Квирин попал прямо по моим

сомнениям. Есть вопросы, на которые, возможно, мне не стоит находить ответы. Моя лояльность Кровавым Ангелам несомненна. Но моя принадлежность? Это вопрос, сокрытый от всех, кроме меня. Что я такое? Что за существо шевелится во мне? На самом ли деле я всё ещё Кровавый Ангел?

Определенно, да. Я буду в это верить. Я должен в это верить. Постоянно ширящаяся пропасть между мной и остальным орденом это источник сомнений, но не доказательство.

Это не доказательство.

Квирин также заблуждается и в том, что статуя не оказала на меня эффекта. Однако, в отличие от остальной роты, я сопротивляюсь эмоциональному притяжению артефакта. Сейчас даже не стоит пытаться отстранить моих братьев от иконы. Хватка её слишком сильна. Любая попытка с моей стороны разрушить эту связь, в глазах всех остальных будет лишь подтверждением самых тёмных предположений Квирина на счет меня. Мне становится всё труднее подавлять свой гнев. Вместо инея вокруг моих ног потрескивает зеленоватый огонь, царапая поверхность камня, оставляя борозды, как от алмазных когтей. Я не могу оставаться здесь. Если я останусь, Квирин что-нибудь скажет, после чего кто-нибудь из нас сделает что-то, о чём я буду сожалеть впоследствии. Я отворачиваюсь и ухожу из башни.

Вид, который встречает меня снаружи, не радует. С отступлением Освященных деградировавшее население Векайры вернулось к своей обычной жизни. Ну, или тому, что считается нормальным на этой планете. Жалкие оборванцы ползут на коленях к башне, воздевая руки в мольбе. Кому, по их мнению, они молятся? Сангвинию поклонялись на Баале ещё до пришествия Императора, но это не Баал, и даже не мир, который хотя бы подозревает о существовании Императора.

Через минуту ко мне присоединяется Кастигон. Он здесь не из уважения или дружбы, я точно знаю. «Каковы твои намерения?» - я спрашиваю его прежде, чем он успеваает сказать какую-нибудь примиряющую банальность.

- Мы закрепимся здесь и будем удерживать позиции, потом уничтожим Освященных, когда они вернуться.

Я разделяю его мнение о контратаке. Но от нас всё еще ускользает причина, по которой предателей интересует это место. «А статуя?»

«Как только ситуация на Паллевоне будет урегулирована, мы заберем её на Баал». Пауза. «Со всеми мерами предосторожности», - говорит он.

Из дверей башни доносятся звуки восхваляющего гимна, который поют наши братья. Квирин начал службу благодарения.

Кастигон непримирим: «Мы одержали значительную победу, и видение реклюзиарха оказалось правдой».

- И ты не видишь ничего зловещего в тех путях, которыми мы пришли с «Затмения надежды» сюда.

- Я этого не говорил. Но что прикажешь мне делать, старший библиарий? Следует ли мне игнорировать то, что мы нашли в башне? Смогу ли я? Сможешь ли ты?

Нет. Никто из нас не сможет. Слишком много правды в этом изображении Сангвиния. Однако, где-то в этой правде притаилась ложь. Она, или ужасная истина, ищут способ ранить наш орден.

Я качаю головой, Кастигон уходит организовывать оборону. Пение внутри башни прерывается. В этот миг тишины я слышу что-то, что поначалу принимаю за эхо служения, отразившееся от верхних краев амфитеатра. Я вслушиваюсь, и в следующий интервал между строфами вновь слышу этот звук. Это не эхо. Интонации и ритм правильные, но голоса тонкие, надломленные, принадлежащие мертвым. Я озадаченно смотрю вверх по склону. В паре метров передо мной, рядом с «Флегетоном», стоит сержант Гамигин и пристально смотрит в том же направлении. Я подхожу к нему.

- Тоже слышите это, Властелин Мефистон? – спрашивает он.

- Да. Идём со мной.

Мы покидаем башню, медленно поднимаемся к краю амфитеатра, петляя между застывшими воинами и рассматривая ползающих людей. Многие из них покинули свои лачуги, чтобы присоединиться к поклонению. При этом они - не источники эха. Звук идёт сверху, из-за края амфитеатра. Но проходя мимо каждого из них, я слышу шептание молитв. Эти дикари тоже подражают молитвам моих братьев. Имитация звучит как богохульство. Звуки те же, но слова – тарабарщина. Каждый поклонник несет околесицу, при том каждый – свою собственную. Я выбираю в толпе одного и исследую его более тщательно. В глазах его застыла отчаянная страсть. Он игнорирует меня, всё его внимание сосредоточено на башне, и больше ни на чём. Его колени превращаются в кровавое месиво, пока он продолжает ползти к чему-то. Я сомневаюсь, что он хотя бы понимает природу своего желания. Слова, вылетающие из его глотки – лавина жалостливых молитв, правда, едва слышимых, словно под воздействием религиозного страха. Сила его эмоций искажает язык.

Но в чём его нужда? Что так сильно мучает его? Лицо настолько же глупо, насколько неистово. Любое понимание улетучилось уже очень давно, если оно вообще было. Я отворачиваюсь от него и смотрю на женщину в паре шагов от меня. Та же картина. Эти люди не разумны. Их мольбы и поклонение – остаточные явления. Сохранилась напряженность. Значение умерло. Я задумываюсь – что же убило его и когда. Предполагаю, что случилось это в момент создания амфитеатра.

- Они дразнят нас? – спрашивает Гамигин.

- Нет. Они слышат звуки поклонения и подражают им, поскольку они исходят от объекта их почитания.

Мы подходим к деревне, следуя за звуком гротескной пародии на молитву. Поселение ещё более жалкое, чем я себе представлял. Нет ни единой лачуги, построенной недавно. Многие из них разрушаются, стены большинства стоят только потому, что они опираются на соседние постройки. Первые две, в которые я заглядываю, заброшены. Кажется, что эти люди утратили даже чувство необходимости убежища. Но третье строение отличается. Оно больше остальных и в лучшем состоянии. Не потому, что оно ремонтировалось. Оно было построено изначально лучше, вот и всё. Окон нет. Здание имеет прямоугольную форму, с одной стороны даже есть двери, стоит оно в центре посёлка. Его местоположение и размеры наводят на мысли о пиршественном зале или церкви. И именно отсюда исходит пение.

- Запах, - говорит Гамигин.

- Ага, – он становится сильнее по мере нашего приближения к зданию. Это зловоние окисления, словно гимн начал гнить сам по себе. Гамигин поднимает болтер, и я открываю дверь.

Я оказался прав. Это пиршественный зал. И церковь. И она всё ещё используется.

Старая, гнилая кровь течет вокруг моих ботинок по направлению к входу. Дневной свет проникает внутрь только на треть всего помещения, словно стыдясь заходить дальше. Но я всё прекрасно вижу своим улучшенным зрением. Я вижу то, чем питаются жители Векайры.

Друг другом.

Это склеп. Не могу сказать, что тела разделаны, так как это слишком мягкое слово, чтобы описать содеянное. Жертвы расчленены, разорваны на куски руками, плоть сорвана с костей зубами. В центре потолка есть дымоход, а под ним древние следы очага, только вот огонь в нём не разводился веками. Кости, гнилое мясо и полу съеденные органы высятся огромными кучами. Культура Векайры становится для меня ясной, кусочки доказательств складываются в омерзительный портрет. Это популяция каннибалов, пожирающая себя быстрее, чем рождаемость может восполнить потери. И хотя город когда-то был населен миллионами, удивительно, что вообще уцелел хоть кто-то. Но заниматься этим вопросом у меня желания нет. Смысла тоже. Жители Векайры больше ничего не могут мне сказать.

Но они пытаются. Здесь дюжины людей, жующих старую и новую плоть вперемешку и поющих свои idiotские пародии на святые обряды. Я не знаю, возносят ли они благодарности, или же просят покровительства. Я сомневаюсь, что они и сами это знают. Те, что ближе к дверям, съеживаются. Они пялятся на нас глупыми дикими глазами. У самого последнего орка и то больше достоинства, чем у этих существ.

- Вы не достойны спасения, – говорю я людям.

Они не отвечают, продолжают сидеть, съежившись, жрать и пить. Гамигин и я выходим обратно на улицу и закрываем двери. Мы смотрим друг на друга. «Они ушли от света Императора», - говорю я. Гамигин кивает. Подумать только, мы спасли этих червей от участи стать материалом для еретических ритуалов Освященных. Удивительно, что подобные отбросы могли бы подойти для целей предателей. Возможно, что не подошли.

- Надо бы сходить за огнемётом, - говорит Гамигин.

- Так управимся, - отвечаю я, но прежде чем мы успеваем начать зачистку, я замечаю Альбинуса, идущего к нам. Я жду. Он останавливается в паре шагов от нас. Снимает шлем. Его глаза всё ещё светятся под впечатлением статуи, и этого достаточно, похоже, чтобы он не замечал ни шума, ни вони. Он находился в присутствии святыни, и грязь смертных не достойна его внимания. Я знаю, что он пришёл упрашивать меня вернуться. Температура воздуха вокруг нас стремительно падает. Когда Альбинус произносит: «Мефистон», то выдыхает облачко пара.

Я прерываю его: «Войди туда, - говорю я, указывая на здание, - После поговорим».

Он подчиняется. Когда он возвращается, то заметно, что свет в его глазах немного потускнел. Сомнения – здоровые, необходимые сомнения – пустили корни.

«Представь, - говорю я, - что мы прибыли сюда не ведомые видениями Квирина, а Освященных не было бы. Представь, что мы увидели бы только этих тварей и зрелище, которое сейчас перед нами. Какие действия мы бы предприняли?»

Альбинус не колеблется с ответом, и это дает мне надежду: «Мы бы уничтожили всё вокруг».

- И всё же мы поступаем иначе.

- Потому что это было бы ошибкой. Ведь мы не остановились бы, чтобы исследовать башню.

- Окруженная мерзостью, как эта вещь может сама быть чем-то иным?

- Ты разве не видел её?

- Видел.

«Правда? А я думаю, нет. Это Сангвиний, во всех деталях. Я знаю, так же хорошо, как знаю кровь, текущую в наших венах, что наконец-то узрел истинный облик нашего примарха. И ты тоже, старший библиарий». Когда я молчу в ответ, он настаивает: «Ты видел».

Он был честен со мной. «Да», - признаю я.

Альбинус вздыхает: «И...?»

- Я видел подобие. Работа исключительная. И что? Это не говорит нам ничего ни о происхождении, ни о природе статуи. Видимость святости и её реальность – это разные вещи. Этот горький урок наш орден должен был бы выучить наизусть. Нам следует думать лучше, прежде чем очередной фальшивый идол втянет нас во что-нибудь снова.

- Другая ситуация. В этой статуе нет места подделке.

Я хочу возразить, вытряхнуть Альбинуса из глубин его заблуждений, но не могу. Я знаю, с уверенностью, которая беспокоит меня, что он прав. Есть правда в этой башне. Но лишь кусок правды. Так должно быть. Я разочарованно отворачиваюсь от него, и вновь смотрю на прогнившую деревню.

- Что прикажете делать, старший библиарий? – спрашивает Гамигин.

Я указываю на церковь: «Уничтожим эту скверну». Я стискиваю зубы: «А затем закончим нашу миссию». Я не стану отменять план Кастигона по защите статуи. Квирин нанесет ответный удар, и ересь станет неизбежной. Я слишком люблю орден, чтобы обрушить на него подобный кошмар. К тому же Освященных надо уничтожить.

Гранатами, огнём болтеров и моим разочарованием, превращенным в очистительные молнии, мы сравниваем церковь с землей. Мы очищаем землю от этих зверей. И мы всё ещё идем уготованным нам путем, всё дальше и дальше в тени, где что-то ждет нас.

И смеётся.

Глава 6

Пиррова победа

Освященные вернулись к концу дня. Так много времени у них ушло на перегруппировку. К этому моменту мы более чем готовы на своих оборонительных рубежах. Мы подтянули к нашим позициям танки. Они окружают шпиль. Мы позаботились о том, чтобы не потревожить застывших воинов. Понятия не имею, почему мы проявляем по отношению к ним заботу, граничащую с почтением. Мы ощущаем это застывшее присутствие, но не обсуждаем их. Покров тайны, витающий над ними, соткан из священного, проклятого и знакомого. Мы не знаем, кто эти воины, но почему-то, мы не хотим нарушать их покой, словно мы находимся на кладбище Кровавых Ангелов. Мы не причиним им вреда. Но открытым остается вопрос, почему Освященные проявляют такую же заботу?

Так что, когда предатели приходят, их встречают пушки, способные накрыть верхние края амфитеатра фугасными снарядами. На нашей стороне тяжелое вооружение, господство в воздухе и численное превосходство. Мы сильно потрепали Освященных в предыдущем бою. Это будет актом безумия, или особым видом отчаяния, если они попробуют атаковать нас.

Но они поступают именно так. Они идут, не взирая ни на что. Что движет ими, задумываюсь я, пока «Флегетон» со своими братьями карает предателей. Векайра не представляет стратегической ценности, как и вся система Паллевона. Здесь нет вооружений. Есть только статуя, которая не может иметь никакого другого значения для предателей, кроме

унижения Кровавых Ангелов в случае её утраты. Столь странная форма победы вряд ли компенсирует массовую гибель воинов и утрату снаряжения.

И всё же они атакуют.

На Паллевоне закат, мир утопает в крови. И без того красный оттенок дневного света становится насыщенным багровым цветом. Израненный прилив наполняет амфитеатр, отличная сцена для резни, которая вот-вот начнется. Пока танки рвут на части врагов по краям чаши, мы ждём, готовые к бою.

Артобстрел сносит несколько лачуг. Это не потеря. Необходимое очищение. Огненный шквал разбрасывает куски Освященных и каннибалов по местности, предатели, перемешанные с мерзостью. Освященные не ведут ответный огонь из своего уцелевшего тяжелого вооружения. Сохранность башни, похоже, имеет для них первостепенное значение, и теперь, когда мы знаем, что находится внутри, подобная смесь одержимости и сдержанности вызывает ещё большее удивление.

«Что они творят? – произносит Кастигон, - Это безумие». Голос его звучит оскорбленно.

Мы вместе стоим рядом с «Флегетоном». Мы видим, как Освященные прорываются сквозь заградительный огонь и устремляются вниз по склону. Их накрывает огонь наших болтеров. Они не пытаются укрыться. Они стараются просто увернуться от снарядов. С полдюжины удачно выпущенных снарядов сбивают предателя с ног, воин, бегущий за ним, не колеблясь, перепрыгивает тело. Он получает попадание в плечо. Но это не заставляет его изменить направление. Он продолжает бежать, пока его тоже не превращают в решето. Такое поведение больше подходит оркам или тиранидам. Они просто мчатся к нам с максимальной скоростью. Это тактика, которая сильно напоминает ту, которой воспользовались мы, завоеывая башню, но есть два значительных отличия. Их штурмовые отряды с реактивными ранцами атакуют нас одновременно с тактическими отделениями. И они сильно уступают нам в живой силе. Они не смогут подавить нас.

Они бегут напрямиком на убой. Свой собственный.

- Никогда не встречал предателей, склонных к суициду, - говорю я, - А ты?

- Нет, - его болтер посылает очередь в одиночную цель. Точность Кастигона несравненна. Пули разбивают шлем предателя, а затем и его череп.

«Тогда должно быть объяснение их действиям. Нам стоит быть осторожными с тем, что на вид кажется слишком простым». Пока я говорю, с острия моего меча слетает молния. Она глубоко вгрызается в панцирь одного из нападающих, жаривает оба его сердца, затем перепрыгивает на его брата, стоящего позади, убивая вновь. Пальцы предателей сжимаются, и оба ещё выстреливают несколько раз, несмотря на то, что они уже покойники. Потом они падают.

- Что предлагаешь нам делать? - спрашивает меня Кастигон, - Прекратить огонь?

- Нет, конечно. Но нам стоит призадуматься о значимости того, что мы защищаем. Капитан, течения варпа в этом месте невероятно сильны. Мы стоим в самом центре вихря.

- Здесь мы и будем стоять, пока последний еретик не рухнет мёртвым. Сходи, посмотри на икону ещё раз, старший библиарий. Это поможет отбросить тебе сомнения.

Не особо оплакивая погибших, Освященные подходят ближе. Их слишком много, чтобы мы могли перебить их на дистанции. Они ведут ответный огонь, но у нас есть укрытия, а точности их выстрелов мешает скорость бега. Основная масса их сил уже рядом с нами. Я чувствую растущее предвкушение ближнего боя.

«Это не война, - ворчит Кастигон - Это глупость». Он оскорблен, как никогда. Он зол. Вся базовая эстетика ведения боя нарушена, и он не позволит подобному неуважению продолжаться. Я ощущаю ярость, набирающую силу в остальной роте. Воздух сжат надвигающимся штормом. Неистовство войны вот-вот выплеснется в мир.

Ярость – это топливо Кровавых Ангелов на войне. Она опасна для нас, но она также является источником нашего искусства убивать. Но эта ярость пришла слишком быстро, слишком просто. Мы устремляемся по предназначённому нам пути.

Шторм ударяет. Основные силы Освященных вошли в поле вечной битвы, а их передовые отряды почти достигли наших оборонительных линий. «Сангвиний!» - ревет Кастигон, вкладывая столько эмоций в этот крик, сколько я ранее от него не слышал.

«САНГВИНИЙ!» - приходит громогласный ответ братьев. Радость и ярость наполняют его в равных мерах. Когда нам доводилось защищать что-то столь же дорогое? Когда ещё враг столь нетерпеливо добивался нашего мщения? Но эти вопросы остаются не заданными. Слишком мало времени для раздумий. Пришло время диких инстинктов войны, и Кровавые Ангелы вырываются из укрытий, чтобы размазать противника по земле.

Ярость вливается в мой клинок, и я атакую, пользуясь энергией ненависти. Предатель передо мной направляет мне в лицо болтер, но я отсекаю его руку прежде, чем он успевает выстрелить. Он делает выпад, пытаюсь сбить меня с ног, но я делаю шаг назад, обрушивая «Витарус» сверху вниз мощным ударом двух рук. Я пробиваю верхушку шлема Освященного, разделяя пополам голову, шею и прорубаюсь сквозь корпус. Всё глубже, выгадывая драгоценные секунды, чтобы утолить жажду насилия. Я не останавливаюсь до тех пор, пока Освященный не падает по обе стороны от меня. На меня продолжают бежать враги, ищущие смерти от моих рук. Что-то окатывает меня справа, это кровь предателя выпотрошенного цепным топором технодесантника Фенекса. Его серворуки расчлениают тело.

Когда мы отбивали шпиль, Освященные сопротивлялись ожесточенно. Но та свирепость меркнет по сравнению с тем, что они вытворяют сейчас. Они атакуют как одержимые, их злоба почти на уровне нашего гнева. Захват башни значит для них больше, чем соображения тактики или выживания. Они готовы безрассудно погибнуть за свою цель. Никогда не видел

подобного поведения среди космодесантников предателей. Но если они так страстно этого хотят, то стоит удовлетворить их желания.

Мы врезаемся в них как латная перчатка в стекло. У нас преимущество два к одному, и мы полностью используем его. Болтерные снаряды стучат по броне, а цепные мечи с рычанием отсекают конечности. Мир стал полностью красным, до самого основания: красный от света, сталкивающейся брони, хлещущей крови и зрения, искаженным яростью. Преобладая над грохотом стрельбы и сталкивающейся стали, свирепые выкрики сражающихся сливаются в единый, общий, всеохватывающий вой битвы. Коллективное выражение ярости прекрасно. Этот звук – концерт убийства немислимых масштабов, оркестр оружия, сопровождающий хор ненависти. Я начинаю подозревать, что происходит что-то большее. Битва является средством достижения чего-то, лежащего за пределами целей воюющих сторон.

Я не могу остановить это. Я даже не могу отстраниться от его сотворения, так как продолжаю сражаться и убивать рядом со своими братьями. Я разделяю отвращение Кастигона к Освященным. Я желаю видеть их наказанными за предательство. Я ощущаю растущую жажду их крови. Просто убить их – недостаточно. Они должны быть пожраны. Предатель делает мощный выпад, целясь цепным топором мне в шею. Я уворачиваюсь, режущее лезвие пролетает в миллиметрах от моей глотки. Моя воля захватывает его скелет и разламывает на куски. Я прилагаю такую чудовищную силу, что осколки костей, словно шрапнель, пробивают сочленения его брони изнутри. Крик его недолгий, но вполне удовлетворительный. Но этого всё равно недостаточно. Я поворачиваюсь к следующему противнику, сияние моего меча прожигает кровавые сумерки. Я наношу диагональный удар, рассекающий Освященного от левого плеча до правого бедра. Я направляю в клинок столько разрушительной энергии варпа, что он проходит сквозь врага, словно на его пути нет ни брони, ни плоти, ни мускул с костями. Кровь окатывает меня, и её вкус, я чувствую, как старое безумие начинает шевелиться.

Нет.

Я делаю шаг от края. Если я попадусь в эту ловушку, то рота утратит последнюю надежду. Я слишком увлечен ближним боем. Мне надо видеть больше, поэтому я расправляю свои варп крылья и взмываю вертикально вверх. С высоты пятидесяти метров я вижу общую картину нашей битвы. Рядом с башней бурлит котёл сражения Кровавых Ангелов с Освященными. И хотя мои братья всё ещё не подпускают Освященных к башне, защита строения отошла на второй план, уступив жажде тотального вырезания противника. Повсеместно сталкиваются бронированные воины, и я слышу относительно мало выстрелов. Это сражение клинков и кулаков, по колено в крови врага. В тот краткий миг, который я наблюдаю, происходит три обезглавливания. Вдали от этого безумия, я замечаю то, чего не видел ранее, хотя должен

был бы искать с самого начала. Я вижу аномалию. Небольшая группа предателей осталась на краю чаши. Они не стреляют. Они заняты делом похуже.

Они колдуют.

В центре этой группы появляется свечение. Это не часть океана красного света, затопившего мир. На самом деле это и не свет как таковой. Это сгусток Имматериума в виде шара. И он растет. Цвет не принадлежит известному спектру. Красный может быть цветом ярости, но этот шар окрашен самой яростью. Его появление невозможно, но не подлежит сомнению. Его существование раскрывает тёмную логику в идиотской стратегии Освященных. Они не вели войну. Они исполняли ритуал. Их самоубийственная атака – часть обряда, как и наш ответ. Мы действовали предсказуемо, как хорошо налаженный часовой механизм. Ритуал вообще мог стать нашим, настолько нетерпеливо мы исполнили предписанную нам роль.

Но всё ещё есть вопрос: чего же хотят достичь Освященные?

С ответом придется повременить. Я устремляюсь к колдунам. Они полностью сконцентрированы на сфере. Они не видят, что я приближаюсь. Они не замечают меня до тех пор, пока я не начинаю их убивать.

Я не действую как псайкер в этот момент. Я не рискну влить ещё больше сил в сферу. Не важно. Я умею убивать и по-другому. Здесь всего четверо колдунов. Все без шлемов. А психокапюшоны – плохая защита от плазменного пистолета. Я выстреливаю, едва мои ноги касаются земли, заряд испаряет голову ближайшего предателя. Теперь их только трое. Один не реагирует. Он остается сконцентрированным на сфере, руки его простерты к ней. Лицо его, представляющее собой карту ритуальных шрамов и рун, застыло в восторженном напряжении. Двое других поворачиваются ко мне.

Они-то себя не сдерживают. Они атакуют с двух сторон зарядами тёмной энергии. Кристаллы моего психического капюшона вспыхивают, нейтрализуя заряды. Губы мои кривятся в презрительной ухмылке. Я поднимаю пистолет. Когда я спускаю курок, заряд ударяет в дуло, выбивая пистолет из рук. Двое предателей приближаются с силовыми мечами наготове. Они знают, что в колдовстве им со мной не тягаться.

Битва переходит на уровень древних поединков. Мы деремся на мечах. Они продолжают атаковать в паре. Я парирую удары, но вынужден обороняться. Уровень их мастерства высок. Они не дают мне шанса на ответную атаку. Энергии варпа окутывают их клинки. Я держу свой под контролем. Это, правда, не даёт противнику никаких преимуществ. Этот меч убивал на протяжении десятков веков, и поэтому безупречен в такой работе. Он жаждет крови предателей, но удобный случай всё не представляется. Колдуны бьются со мной с механической точностью. Я не могу отразить все их удары. Так же, как и моя броня не способна выдержать их все.

Сфера растёт. Она обладает гравитационным полем. Будет довольно легко оступиться и исчезнуть в этом ужасном порождении.

Надо как-то выходить из этой патовой ситуации. Предатель слева делает выпад, я позволяю его удару пройти. Клинок пронзает стык брони под моей рукой. Лезвие погружается в мой бок. Я даю ему пройти дальше, после чего прижимаю руку к боку и блокирую меч. Колдун пытается высвободить оружие. Это ему не удается, и он наваливается на меня. У него нет времени, чтобы осознать свою ошибку. Я втыкаю ему меч в глотку, поворачиваю и погружаю ещё глубже. Освященный булькает, кровь пеной выходит из его рта и носа.

Второй атакует, думая, что я отвлекся. Он ошибается. Я использовал расправу над его братом, как приманку. Он бьёт, целясь мне в голову, но я приседаю, вытаскивая меч из мёртвого предателя, и наношу удар вправо. Лезвие клинка настолько острое, что он может пробить керамит даже без энергии варпа, если ударить достаточно сильно. Я бью двумя руками и отрубая правую ногу предателя прямо под коленом. Он валится на землю. Теперь его легко прикончить.

Я отворачиваюсь от своей добычи к последнему колдуну Освященных. Сфера выросла ещё больше за последние несколько секунд. Я понимаю, что продолжал подкармливать её. Я старался убивать беспристрастно, но это была иллюзия. Я ненавидел воинов, которых сразил. Проливая их кровь, я испытывал удовольствие, пропитанное гневом. Я сражался и сражался, я всё ещё пешка в этой игре, до конца играющая отведенную роль. Даже признав эту правду, я не перестану сопротивляться. Я цепляюсь за слабую надежду, что покончу с этой игрой, расправившись с последним колдуном. Я хочу верить, что ещё не слишком поздно.

Когда я приближаюсь, предатель прерывает свое увлечение сферой. Он поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня. Он улыбается. Прежде чем я успеваю убить его, он погружает свою голову в шар. Ноги его дрожат, пальцы правой руки один раз дергаются. А затем его обезглавленное тело падает на землю. Сфера пульсирует и начинает расти. В отчаянии, я пытаюсь коснуться объекта своей волей. Я пытаюсь разбить его. Я сталкиваюсь с концентрацией ярости, копившейся последние пять тысяч лет. Вся история падения Паллевона может быть прочитана в ней. Ужасающее поклонение шпилью подтвердило, что ярость, высвобождавшаяся при братоубийственной резне, стекалась в это место. Наша битва с Освященными стала венцом этого тёмного дела, последний, необходимый урожай ярости.

И всё же полная картина этого замысла ускользает от меня. Значение статуи окутано мраком смерти.

Моя попытка уничтожить сферу проваливается. Слишком много силы здесь. Коллективные психические силы миллионов отбрасывают меня. Сила жестокости такова, что удар ощущается физически. Я отшатываюсь. Кровь течет из моих ушей. Я знаю, что существо в

теньях смеётся надо мной. Ничего уже нельзя достигнуть поддельной сдержанностью, я кричу от бессильной злобы.

Сфера продолжает подниматься, набирая скорость и вырастая в размерах, благодаря идущей внизу бойне. Она летит в сторону верхушки шпиля. В свои последние секунды, она ускоряется, превращаясь в полосу. Сфера врезается в башню.

Закат внезапно заканчивается. Ночь приходит, но не наступает. Её источник - башня. Тьма изливается с кончика шпиля. Она ползет по небу, извивающейся, растущей веревкой тьмы, и она кричит с яростью десяти миллионов загубленных душ. На высоте облаков, она разливается во все стороны, распространяясь по всему небосводу, пока мир внизу полностью не накрывается обсидиановым куполом. На какие-то секунды власть непроглядной ночи абсолютна. Потом свет возвращается, правда, в виде подарочка Хаоса. Воздух начинает рваться. По ткани реальности ползут трещины, извергающие огонь. Но это не настоящее пламя. Это куски жестоких мыслей, которым придали мерцающую форму. Они не просто горят. Они разворачивают то, что пожирают, затаскивая души глубже в объятия варпа, подпитывая себя агонизирующими сознаниями.

В тот самый момент, когда появляются трещины, раздается звук удара в колокол. Его сопровождает отчетливое ощущение, беззвучное, но огромных масштабов, часов приходящих в движение, надолго остановленных, но запущенных вновь. На поле боя, после тысячелетней паузы, время продолжает свой ход.

Застывшие воины перестают быть застывшими.

Глава 7

Братство

Щелк. Щелк. Щелк.

Ритм в моем разуме и душе. Он резонирует в земле, воздухе и моем скелете, его не ощущает никто кроме меня.

Щелк. Щелк. Щелк.

Неумолимый звук проворачивающихся шестеренок, обращающих всякую надежду в прах. Механизм работает, запущенный на «Затмении надежды» при её исчезновении пять тысячелетий назад. Механизм действует, безразличный к любым попыткам остановить его.

Щелк. Щелк. Щелк.

Это ещё и звук складывающихся фрагментов, частица к частице, мерзость к мерзости, пока не появится вся картина. Я пока не вижу её, но чувствую приближающееся откровение. Пусть

приходит. Я подбираю пистолет и устремляюсь обратно в амфитеатр, очертя голову бросаясь между шестернями. Я остановлю неизбежное.

Поле битвы раньше можно было охарактеризовать как бурлящий котёл. Как бы описать его нынешнее состояние? Суматоха обезумевших и враждующих насекомых, и трагедия штормовых волн, разбивающихся о скалы. Боевые порядки были сломаны ещё в первые секунды столкновения. Сражение разбилось на личные поединки или стычки небольших групп, разделенных обездвиженными воинами. Внезапно сражающихся становится в три раза больше, и всякий порядок утрачивается вовсе.

Древние космодесантники оказываются берсеркерами, неразборчиво ревущими через динамики шлемов. Их движения размашисты, быстры, настоящие взрывы агрессии. Они не пытаются защищаться. Они атакуют всех без разбору, нападая на ближайших к ним Кровавых Ангелов или Освященных. Немногие продолжают дуэли, начатые давным-давно, но после пары ударов, разворачиваются в поисках новых целей. Их поступки кажутся неразумными, просто инстинкт и поиск добычи. Я вижу закрепленное в магнитных захватах их брони огнестрельное оружие, но они пользуются только цепными оружием ближнего боя. Мечи и топоры сеют опустошение повсюду, непонятно как, но двигатели их всё же работают после стольких веков бездействия, они издают пронзительный визг, словно бьются в истерики от длительного голода.

Я окунаюсь в гущу битвы. Рядом со мной Альбинус и брат Роновус сражаются против четверых вернувшихся воинов. Роновус выпускает целую обойму болтера в грудь одного из противников. С такой убойной дистанции болты прошивают броню насквозь, выходя из спины воина, вырывая куски мумифицированной плоти, окаменевшие кости и чёрную от старости кровь. Ранение даже не замедляет берсеркера. Словно Роновус сражался просто с пустой броней. Но затем динамики шлема взрываются ревом боли и потоками несвязных, но вполне понятных ругательств. Существо внутри брони всё ещё, каким-то образом, живо, хотя оно иссыхало десятками веков. Воин обрушивает цепной топор на Роновуса, который блокирует удар дулом своего оружия. Топор перерубает болтер пополам.

Я посылаю в руки и голову воина мерцающие заряды психической энергии. Я разрываю тварь на куски. Она бьется в агонии и погибает. Кровь стучит в моих ушах. Я ненавижу тварь, которую убил. Я бы убил её ещё раз. Я уничтожу все следы её существования.

Вокс забит проклятиями и ругательствами. Ярость расплзается по полю брани как чума. Я слышу крик Альбинуса. Он следует моему убийственному примеру и выхватывает цепной меч, хотя во второй руке у него болт-пистолет. И сейчас этот пистолет целится в меня. У меня нет времени даже сформировать вопрос в голове, и он стреляет. Пули со свистом проносятся мимо моего левого уха. Я слышу отчетливые звуки попадания у себя за спиной. Я резко разворачиваюсь на месте и взмахом пылающего меча обезглавливаю подкравшегося

противника. Это был один из Освященных. Я поворачиваюсь обратно, с моей брони стекает кровь предателя, в этот самый миг я вижу то, чему помешать не в силах. Альбинус сдерживает одного из воинов. Их клинки сцепились и перемалывают друг друга. Ровонус вытащил свой меч, но у него за спиной появляется еще один призрак древних времен. Он сжимает свой меч обоими руками и наносит удар сверху вниз, словно забивая жертву. Зубья прогрызаются сквозь ранец Ровонуса, броню и позвоночник. Берсеркер продолжает давить на меч, пока Ровонус не падает замертво, а затем он выдергивает оружие.

Когда он вновь переносит своё внимание на меня, происходит ужасная вещь.

Ровонус встает на ноги. Он присоединяется к воину и идёт ко мне.

Щелк. Щелк. Щелк.

Выводы связывают кусочки мозаики воедино.

- Альбинус, - кричу я. Сангвинарный жрец только что отрубил правую руку своему противнику, - Влево!

Альбинус бросается вниз в сторону, в то момент, когда я вызываю мощный энергетический взрыв. Я не целюсь непосредственно в берсеркеров. Сила, которой мы противостояем, разорвала воздух. Я проделываю тоже самое с землей. Энергия, которую я выпустил, сталкивается с материей, происходит взаимное уничтожение, с температурным выбросом звезды. Камень становится жидким. Воины падают в яму, заполненную лавой. Они быстро тонут, до последнего вдоха пытаюсь добраться до меня. Я наблюдаю, чувствуя очистительный жар на лице. Тварь, в которую превратился Ровонус, исчезла под раскаленной поверхностью, богохульничая напоследок. Свет и жар спадают, оставляя тусклое свечение и искореженный камень на том месте, где стояли берсеркеры.

На какое-то время битва затихает вокруг нас. Альбинус стоит рядом со мной, разглядывая кусок земли, поглотивший нашего брата и берсеркеров. Мы тяжело дышим, сражаясь с «жаждой». Пришла она очень быстро, а уходит очень неохотно. Но всё же через пару секунд Альбинус вновь может говорить: «Что за чудовищное колдовство творится здесь?»

- То же самое, что когда-то заморозило битву, а теперь спустило её на нас.

- Но как такое возможно?

Я качаю головой: «Реальное значение имеет то, что это уже происходит. Мы можем поискать ответы и позднее».

- А Ровонус, - говорит Альбинус, - Его геносемя...

- Оно было потеряно для нас в тот момент, когда он восстал, - отвечаю я. Тьма его воскрешения отметила его прогеноидные железы порчей. Мы ничего не могли поделать с его наследием.

Альбинус кивает, а затем вихрь войны вновь захватывает нас, новые берсеркеры атакуют. Над нашими головами в воздухе появляется новая трещина, словно рана от меча. Огненные

всполохи тянутся к нам, жаждущие напиться энергией боя. Это колдовство бросает вызов моим собственным умениям, и я поднимаю брошенную перчатку. Я захватываю языки пламени, подчиняю их и направляю на атакующих нас воинов. Я расширяю трещину в ткани реальности, и пламя превращается в поток. Место удара взрывается странным светом. Столб жертвенного огня поглощает наших врагов. Я отпускаю огонь, и он пляшет на останках своих жертв.

- Мефистон, - зовет Альбинус.

«Я знаю». Я вижу броню, в которую были облачены двое из числа атаковавших нас берсеркеров. Наши ряды редуют. А врагов становится всё больше. И хотя Кровавые Ангелы никогда не сдаются, эта война идет к единственно возможной развязке.

Я не допущу подобного поражения. Я выведу нас с этого пути, и делать это надо прямо сейчас, потому что, я вижу конец, и он близок, как никогда.

Башня – это ключ. Она источник всего. Я указываю на тьму, продолжающую изливаться из шпиля. «Это творение нашего примарха? – спрашиваю я Альбинуса, - Так выглядит свет Императора?»

- Нет, - признает он.

- Нет. И то, что лежит внутри - тоже нет.

- Что ты собираешься делать?

- То, что должен.

- Ты будешь действовать в одиночку.

Даже теперь, когда уже всем должно быть ясно, что башня не достойна защиты, статуя не ослабила свою хватку. Её правдивость оказывает слишком сильное воздействие, даруя ей иммунитет против сомнений моих братьев. «Да будет так».

- Не обрушь на нас проклятие, - предупреждает Альбинус.

- Посмотри, насколько мы уже близки к проклятию, - отвечаю я ему, и ухожу.

Я мог бы пролететь над полем битвы, чтобы добраться до башни. У её основания контингенты Кровавых Ангелов и Освященных продолжают борьбу, хотя война, практически, захлестнула уже все ряды амфитеатра. Я не лечу. «Ярость» и «жажда» едва появились, и они требуют жестокой кары для врагов. Так что я бегу вниз по склону чаши, выставив перед собой меч. Я – машина разрушения, сочетающая инерцию и ярость. Энергии варпа окружают меня, но они не превращаются в крылья. Я – метеор, существо, сотканное из силы и кроваво-красного огня. Я проношусь сквозь поле боя, сжигая и расчленяя всё на своем пути. Всё, что я вижу, подталкивает меня к грани пароксизма, и так просто утратить контроль, став ходячим апокалипсисом. Но моя воля – источник моей силы, моего контроля варпа, и благодаря этой воле я не переступлю грань кровавого безумия, туманящего взор.

Правда, контроль требует приложения огромных усилий. Того облегчения, которое я испытываю, сея вокруг разрушение, едва хватает, чтобы перекрыть тот ужас, который я вижу. Это не просто тёмный поворот в ходе битвы, который возмущает меня. Это не чудовищность того, что наши павшие братья воскресают, чтобы сразиться с нами. Это деталь, которая становится явной для меня сейчас, когда я несусь сквозь гущу сражения, как ветер из огня и лезвий. Истинная природа древних берсеркеров раскрывается, и я готов придушить голыми руками существо, ответственное за этот кошмар. Время и дожди смыли какие-либо отличительные знаки ордена с брони древних воинов. Но по мере того как они сражаются и убивают, происходят перемены. Словно впитывая льющуюся кровь, их броня приобретает цвет. Оттенок до боли знакомый. На их левых наплечниках проявляется герб – капля крови с крыльями. Они – Кровавые Ангелы. Я не знаю, как это может быть, но это – ужасная правда. Они – это мы, всё самое худшее из нас. Они сражаются с немыслимой свирепостью, а затем пируют на крови своих жертв. Они – это орден, каким он может стать. Возможно, в этом разгадка и тёмного воскрешения. Время и судьба прервались в этом месте, а смерть – это порог павшего будущего. Если я не остановлю это безумие прямо сейчас, то вся Четвёртая рота станет берсеркерами ещё до багрового рассвета.

Я добираюсь до башни. Экипажи наших танков на месте, но орудия молчат. Всё смешалось на поле боя, и любой выстрел тяжелого орудия может убить как кого-нибудь из врагов, так и кого-то из наших. Штурмовые болтеры расстреливают тьму, но в остальном линия обороны спокойна. Осады нет. Я сомневаюсь, что она вообще была. Нас заманили сюда, чтобы вырезать и преобразовать. Я подозреваю, что Освященных тоже водили за нос, и они были в курсе только части игры. Множество их тел валяется по амфитеатру. Ни один не восстал из мёртвых. Они сослужили свою службу, но настоящей целью были мы. Это наша трагедия.

Я вхожу в башню. Я не удивлен, обнаружив Квирина в обширном хранилище. На секунду я допускаю предположение, что он сторожил статую всю битву, но потом замечаю, что несправедлив к нему. Он был в центре сражения. Он весь покрыт кровью. Броня помята и покрыта выбоинами и ожогами. Плащ превратился в лохмотья. Печати чистоты не повреждены, но свитки настолько прокоптились и изорвались, что напоминают рваные бинты. Он стоит перед статуей в боевой стойке, держа крозиус наготове. Шлем его опущен, словно голова грокса, готовящегося к атаке. «Я видел, что ты идешь, старший библиарий», - говорит он.

Итак. Хотя бы в чём-то наши с Квирином мысли сходятся. То, что выяснится в этом огромном хранилище, гораздо важнее битвы, идущей за пределами башни. «А ты видишь, зачем я пришёл?» - спрашиваю я его. Он должен видеть. Зал наполнен ослепляющим светом, который исходит от статуи.

- Я вижу, - отвечает он благоговейным голосом.

Он видит только то, что хочет видеть. Он испытывает священный страх перед светом, исходящим от статуи. Он ослеплен. Сангвиний – сверкающий бриллиант. Тяжело смотреть на него, не щурясь. Свет этот, однако, не несет ничего святого. Он колкий, клыкастый и алчущий. Это нечистый компаньон тьмы, растущей из шпиля. Это свет сверхновой, жгучее, чудовищное сияние, смысл которого – разрушение. Все собранные энергии варпа приходят в эту точку. Это ключ к энд-шпилю, нашей очень личной судьбе, и Квирин будет до конца защищать его.

Я делаю ещё одну попытку. «Реклюзиарх, - говорю я, - вспомни обеты своего высокого ранга. Вести наш орден сквозь козни и происки архиврага».

- Я помню, - отвечает он, - Я и веду.

Я делаю шаг вперед. Я не поднимаю меч, но и не убираю его в ножны. «Правда? Где же тогда твоя религиозная суровость? Ты был обманут хитроумной ловушкой. Взгляни на ужасы, окружающие это изваяние. Оно – источник этих ужасов».

Квирин медленно качает головой. «Ты обвиняешь меня в своей собственной слепоте, - жалеет он меня, - Богохульства, творящиеся за пределами этих стен, порождены не иконой. Они её атакуют. И ты – часть этой атаки, и я размышляю над тем, насколько невольны ты в этом участвуешь». Шлем его не двигается. Я знаю, что он пристально смотрит на меня, ожидая атаки. Не отводя взгляда, он указывает вверх и назад, на статую. «Ты говоришь мне присмотреться, псайкер. Присмотришься сам получше. Посмотри на величие мученической смерти нашего примарха. Отыщи свою душу, Мефистон, или познай, если у тебя всё ещё она есть».

Я поступаю так, как он просит. Я буду спорить с ним пока это будет позволять благоразумие и слишком драгоценное время. Я не хочу переходить к ударам. Во мне ещё слишком много уважения к тому Кровавому Ангелу, которым он когда-то был, и которым он думает, что до сих пор является. Так, что я перевожу свой взгляд на статую. Не спрашивая меня, она заполняет моё сознание. Её совершенство ошеломляет. В ней сочетается величие и трагедия. Это душераздирающий момент, который обратил будущее нашего ордена в пепел. Я прилагаю невообразимые усилия, чтобы не пасть на колени.

- Почему ты сопротивляешься?

Я слышу голос Квирина. Но не вижу его самого. Сияние статуи единственно важная вещь во вселенной.

- Я вижу, что ты напряжен, Мефистон. Почему? Что за демоническое влияние отворачивает тебя от нашего примарха? Ты видишь истину сейчас. Я могу это точно сказать. Покажи мне, что для тебя ещё есть надежда, что ты не покинут.

Вопросы попадают в цель. Статуя пробирается в самые глубины моей сущности. Я сопротивляюсь ей. Я не допущу её туда. Но Квирин спрашивает почему, и, внезапно, все мои

ответы начинают казаться неправильными. Сомнения, грызшие меня со времен битвы с М'кармом, скручиваются, словно змеи вокруг моей души. Что это такое внутри меня, столь упорно сражающееся с иконой? Это демон, противостоящий святости? Почему я хочу отвернуться от этого света и отступить во тьму?

Квирин говорит: «Калистарий».

Небеса были чёрными от дыма. Дыма от горячей бронетехники, разрушенных домов и фугасных снарядов. Плоти. Разрушение Экастора было необходимо. Пожиратели Миров сделали больше, чем просто оккупировали крепость. Они завлекли население на свою сторону. Нечего было спасать, оставалось только всё уничтожить. Кровавые Ангелы обрушили правосудие Императора на еретиков и предателей. Возможно, где-нибудь на Арлезиуме ещё остались люди, не отвернувшиеся от света Императора. Но не здесь. Экастор и всё внутри его стен было предано мечу. Сама крепость была сровнена с землей. Ни одна стена не уцелела. Плато было покрыто щебнем. С того места, где Калистарий сидел на груди рокрита, вид унылого серого и разбитого ландшафта простирался на километры во все стороны. То тут, то там руки торчали из обломков. Некоторые руки безвольно висели, другие были вывихнуты в жесте вечной мольбы. Под обломками крепости нашли своё последнее пристанище тысячи потерянных душ.

- Выглядишь задумчивым, - произнес Квирин. Реклюзиарх шагал к нему по щебню, олицетворяя собой триумф веры.

- Мутации были серьезными.

- Ты имеешь ввиду, что было много псайкеров.

Калистарий кивнул.

- Тебя проверили, - делает наблюдение Квирин.

- Да, - он был опустошен. Его заставили познать пределы собственных сил, принуждая множество раз противостоять им.

Квирин снял шлем. «Зажаренные еретики сильно пахнут», - проговорил он, вероятно чтобы сменить тему.

- Это всё же лучше, чем вонь живых еретиков.

Квирин рассмеялся. «Хорошо сказано, брат, - он посмотрел на затянутый гарью горизонт, - А теперь скажи, что тебя беспокоит».

Калистарий улыбнулся: «Ты ещё не устал быть моим исповедником?»

- Даже если устану, то всё равно не смогу признать этого, - Квирин вновь повернулся к библиарию, - Рассказывай.

- Ересь столь быстро пустила здесь свои корни, - сказал Калистарий, - И она очень быстро распространилась. Этот мир был лояльным ещё несколько лет назад. Я не понимаю, как люди могут пасть и потерять веру так просто.

«В этом суть искушения, - ответил Квирин, - Простота – вот, что лежит в основе ереси. На первый взгляд, Хаос многое дает, ничего не требуя взамен. Слабый духом человек не в силах отказаться от подобного предложения. Вера, брат библиарий, настоящая вера – трудна. Она забирает всё». Голос его внезапно стал колким, в нём появились допытывающиеся нотки:

«Варп говорил с тобой?»

- Не более чем обычно. Шепот, обещания безграничной силы, видения о том, как я становлюсь самым могущественным защитником Империи...

- и его правителем.

- Точно. Не волнуйся, реклюзиарх, – ему всё ещё было в новинку пользоваться этим титулом, - Я знаю лживость этих обещаний. Они не привлекают меня.

- Возможно, не сейчас. Но если это не искушение, то тебя стоит испытать по-настоящему. Может наступить день, когда подобная сила может показаться необходимой и оправданной, - Квирин делает паузу, - Во время битвы ты мог контролировать «жажду» и «ярость»?

- Да, - такой поворот разговора не понравился Калистарии. Он вновь задумался о случае в «Громовом ястребе» на подлете к Экастору, когда два временных периода наслоились друг на друга в его сознании. «Я всё ещё с вами, всё в порядке» - заверил он своего старого друга.

- Вижу, что это так, - Квирин ответил с неуверенностью, - Борьба с «чёрной яростью» тяжела, и постоянно становится тяжелее. Помни о своей вере, и помни о её природе. Борьба вечна. Остерегайся простоты, и помни что её присутствие, всегда означает ложь.

- Калистарий, - повторяет Квирин, - Осталось ли ещё хоть что-нибудь от тебя?

Использование этого имени – ошибка. Реклюзиарх взывает к мёртвому, и это показывает насколько деградировала его способность размышлять. Он верит, что Мефистон – это оболочка, выстроенная вокруг Калистария. Он ошибается. Но использование имени мёртвого Кровавого Ангела вытаскивает на поверхность полезное воспоминание. Квирин был прав давным-давно. Истинная вера – тяжела.

Поверить в статую просто. Поэтому – это ложь.

И это тяжелая, но простая истина – нас привели сюда силы Хаоса. Другого объяснения просто нет. Не важно, чем хочет казаться статуя, это дело рук демонов, притащивших нас сюда. Один только этот факт перечеркивает всякую кажущуюся святость этой вещи.

Заклятье разрушено. Сознание полностью возвращается ко мне. Я отвожу взгляд от статуи. Я знаю, что это ложь.

И всё же...

Нет. Боль, которую я чувствую отворачиваясь, это боль истины. Я смотрю на Квирина. «Ты позабыл собственные наставления», - говорю я ему.

Либо он не слышит меня, либо делает вид, что не слышит. «Ты потерян для нас», - говорит он. Хотя говорит он с сожалением, я всё же слышу нотки удовлетворения в его голосе. Он не простит мне того, что я занял место Калистария. Он рад шансу поверить, что я проклят.

- Нет, - говорю я ему, и шагаю к статуе, - Это ты вот-вот сделаешь шаг в бездну.

- Не подходи, - предупреждает он. Он готовится. Он будет защищать статую от меня. Думаю, что теперь он станет защищать её даже от моего неверующего взора. Его хватка на рукояти крозиуса становится крепче. Он воспользуется им против меня. Междоусобица среди братьев, трагедия, уже случавшаяся в истории Империума, пришла и сюда.

- Отойди в сторону, - отвечаю я.

Он поднимает крозиус. «Во имя Императора и Сангвиния», - начинает он.

Я прерываю его, злой от жалости, которую должен был бы чувствовать. «Не произноси их имён, - огрызаюсь я, - Ты утратил это право, когда начал верить видениям, которые вели в это проклятое место».

Он умолкает, ошеломленный тем, что принимает за безрассудство. Он даже не представляет, насколько я себя сдерживаю. Его крозиус колеблется. Есть вероятность, что он всё-таки сохранил возможность колебаться. «Что ты делаешь?» - спрашивает он.

- Останавливаю эту чудовищность.

- Нет, - оружие вновь поднимается, - Нет. Вокс-динамики шлема не передают эмоций. Но я всё равно слышу его отчаяние.

«Время, проведенное тобой в варпе, повредило твоему благоразумию, - говорю я ему, - Мне жаль тебя, но с меня хватит твоих иллюзий. Отойди прочь от статуи. Сейчас же». Я продолжаю идти вперед. Я всё ещё не поднимаю меч. Даже если наш поединок неизбежен, то я не стану приближать его. Но моё терпение на исходе, время, впрочем, тоже. За пределами башни война слилась в бесконечный рёв. Трафик вокс-сети превратился в мешанину из мрачной решимости и отчаянной стратегии. Нет пределов доблести и мастерству наших братьев, но шансов у них нет никаких.

Квирин не двигается. «Ты идешь к своей смерти, демон», - говорит он. Голос у него ещё более отчаянный. Но появились и сомнения. В ответ на них, он пытается скрыть свои фальшивые верования ещё большей ложью. Ему проще видеть во мне агента Хаоса, чем признать тот факт, что он очень сильно заблуждался.

- Ты выбираешь простоту вместо истины, - говорю я с неподдельным сожалением.

Он не слушает. Череп его шлема скрывает глаза и эмоции. Мне и не надо видеть их. Я могу читать его говорящую неподвижность. Ему приходится прилагать значительные усилия, чтобы продолжать убеждать себя в праведности своего пути. Усилие заставляет его думать, что он

сделал тяжёлый выбор. Комфорт, который подарит это решение, должен подсказать ему, что оно неверно.

Я останавливаюсь перед ним. Мы стоим на расстоянии меньше, чем вытянутая рука, но на самом деле мы далеки настолько, что старина Калистарий не смог бы даже себе вообразить такое. Это последний миг перед тем, как один из нас сделает жест, который похоронит старую дружбу навсегда. «Ты был обманут, - говорю я ему, - В этом нет бесчестья. Бесчестье наступает, когда обманываешь сам себя».

Он слышит меня. Я знаю, что слышит. Когда-то он был колоссом среди капелланов. Разум, который сделал его таковым, разум, которому хватило сил продержаться невыносимое количество времени в варпе, всё ещё жив, хотя и затуманен. «Я...», - выговаривает он и колеблется. Он оборачивается на статую. И запечатывает свою судьбу. Сияние слишком сильно. Сколько капелланов смогло бы перенести подобную кульминацию своей веры? Сколько Кровавых Ангелов смогло бы отвергнуть подобное олицетворение своего примарха?

Здесь и сейчас, на этой планете – только один.

Квирин поворачивается обратно ко мне. По положению его плеч, я понимаю, что потерял его. Я обхожу его и ставлю ногу на постамент. «Остановись», - говорит он мне. Я не останавливаюсь. Я поднимаю меч, чтобы разбить статую. Теперь наступил мой черед колебаться. Я знаю, что икона должна быть уничтожена. Но уничтожение образа Сангвиния, это действие столь чудовищное, что я на секунду замираю.

Квирин пользуется этим моментом. Проклиная моё существование, он замахивается крозиусом.

Глава 8

Иконоборец

Я замечаю движение периферийным зрением. Я меняю стойку, успеваю подготовиться в последнюю секунду. Оружие попадает в центр моей брони, священная реликвия ударяется в святой доспех, созданный лично для меня. Сила удара отправляет меня в полет через зал. Я скольжу по полу и врезаюсь в стену справа от входа. Металл, из которого она сделана, сминается. Куски оружия, украшающего стены, падают вокруг меня. Квирин атакует. «Осквернитель!» - орёт он. В мгновение ока он оказывается надо мной, следующий его удар нацелен мне в голову.

Я хлопаю ладонями. Звук подобен раскату грома. Ударная волна направленного действия. Она отрывает Квирину от земли и отшвыривает прочь. Он падает, с хрустом керамики о мрамор у подножия постамента. Я вскакиваю на ноги, и я в замешательстве. Я никогда до

этого момента не бился не насмерть. Квирина подобные мысли не мучают. Он выхватывает болтер и начинает стрелять, поднимаясь на ноги. Мне едва хватает времени, чтобы призвать щит. Я стою за сверкающим и переливающимся сиянием в воздухе. Пули сталкиваются с ним и рикошетят по всему хранилищу. Квирин дёргается, когда одна из них попадает ему в левый наплечник. Остальные должны были бы поразить статую, но она обладает собственной защитой, и снаряды исчезают во вспышках света прямо перед ударом.

Квирин продолжает заставлять меня обороняться. Он продолжает стрелять. Я стою недвижимо, концентрируюсь на щите. Он бежит ко мне, игнорируя случайное попадание. Его обойма заканчивается как раз в тот момент, когда он добегает до меня. Крозиус летит ко мне с левой стороны, в удар вложена инерция его натиска и неистовство веры. Я пытаюсь заблокировать его. Но я недостаточно быстр. Удар невероятно силён. Бок взрывается болью. Я отлетаю к стене из оружия.

Броня вливает в меня болеутоляющие, но ещё до этого ранение перевоплощает сдержанность в ярость. Квирин полагает, будто знает, с чем сражается. Он думает, что может пользоваться тактикой, годной для обычного псайкера: постоянное воздействие, множественные разносторонние атаки, нарушай концентрацию, не допускай атакующих движений. Звучит как стратегия, а реклюзиарх – свирепый воин. Но он не знает меня. То, что находится у меня глубоко внутри, у Квирина нет никакого представления, что я такое. И теперь его пренебрежение утомляет меня. Довольно. Я запускаю свою волю в его со скоростью и силой ядовитой змеи. Он отшатывается, сжимая голову и позабыв об оружии.

- Чувствуешь это, реклюзиарх? Чувствуешь, как твой разум и тело разрываются на куски? Борись, царапай шлем, словно ты можешь забраться внутрь своего черепа и вышвырнуть меня вон. Наслаждайся этими последними секундами контроля над собственным телом. Вот они и кончились. Стоять.

Он замирает. Теперь в зале две статуи. Я чувствую ментальное царапанье, словно мелкое животное, накрытое моей ладонью. Это его разум борется, пытаюсь вырваться из моей хватки. Его обида и неверие ощутимы. Он никогда не предполагал, что может быть уязвим для подобной атаки. Вера капеллана – это железный щит против практически любого ментального воздействия, а его вера всегда была исключительно крепка. Но сегодня эта вера фальшива, навязчивая идея сопротивляющаяся правде. Она не поможет ему, особенно, против меня.

- Мефистон! - раздаётся голос со стороны входа.

Я оборачиваюсь. Альбинус всё же последовал за мной. «Что? – спрашиваю я его, - Думаешь, я собирался убить его?». Когда он не отвечает, я презрительно фыркаю и отправляю Квирина к сангвинарному жрецу. Квирин шагает напряженно, движения дерганые, как у марионетки, каковой он и является. «Держи его», - говорю я Альбинусу.

- Что ты собираешься...

- Держи его, - команду я, и Альбинус подчиняется.

Я отпускаю Квирина. И он сразу начинает бороться. Альбинус обуздает его на время. Квириин может вырваться, а, возможно, Альбинус отпустит его, когда осознает, что я собираюсь сделать, но необходимые секунды у меня уже есть. Я запрыгиваю на постамент. Я направляю столько энергии в «Витарус», что его багровый свет становится ярче режущего белого сияния статуи. Ничто не защитит икону от меня, даже мои собственные инстинкты. Потому что даже сейчас, в этот последний момент, ужасная тень проклятия падает на меня. Я не колеблюсь. Я атакую статую так, словно это живой враг, обрушивая свой меч на её шею. Ужас заполняет мою душу. Этот миг времени, когда моя рука описывает дугу, растягивается почти до бесконечности. Я вижу и чувствую и слышу и ощущаю вкус каждого нюанса этого необратимого действия. Всё это время создание передо мной желает, чтобы я остановился. Но времени, чтобы остановить меня, нет. Происходит внезапная вспышка, когда мой меч пробивает защиту статуи, даже не замедляясь. А затем я убиваю своего примарха.

Я знаю, что передо мной не просто изваяние. Поэтому я предполагал, что перерублю варп-иллюзию камня и драгоценных металлов. Вместо этого лезвие моего клинка утопает в шее, словно она сделана из плоти. Текстура кожи, уровень сопротивления и вид раны, всё это до ужаса знакомо, поскольку я убивал подобным образом тысячи раз на сотнях разных миров. Я не знаком с особенностями обезглавливания в той же степени, что и Асторат, но и моих знаний хватает. Холод пробегает по моим рукам и охватывает грудь. В окутавшей меня вечности ужас содеянного добирается до моего сознания. Я понимаю, что самые грязные инсинуации М'кара были правдивы. Я понимаю, что буду нести тьму Империи до тех пор, пока меня не уничтожат.

Я узнаю все эти вещи, а затем статуя исчезает, вместе с ней пропадает и всё остальное. Фальшивка превращается в адскую энергию. Мой меч становится проводником, пересылая всё в меня. Сила, копившаяся пять тысячелетий, бежит по моим венам. Мой рот раскрывается в беззвучном вопле экстаической агонии. Звук нет, настолько велика сила. Она вытесняет из меня всё остальное. Из моей глотки, глаз и рук бьют жгучие лучи чистой варп-энергии. Это абсолютный потенциал, и следующим усилием воли, их можно сделать абсолютным уничтожением.

Я не могу ни кричать, ни видеть, ни слышать, ни двигаться. Но я могу осознавать. Выбор у меня не велик. Богоявление, слишком слабое слово, чтобы описать то, что я переношу. Знание затапливает меня, отвечая на вопросы, о которых я не думал, создавая новые вопросы. В энергии закодированы воспоминания существа, для которого эта энергия собиралась. Их много, слишком много, они лавиной несутся по моему разуму, я успеваю ухватить лишь фрагменты. Их возраст пять тысяч лет и десять тысяч и больше, назад, назад и назад, до Ереси, до Императора, до Эры Технологий. Трон, да тут есть воспоминания из Эры

Терры, почти сорок тысяч лет назад. Насколько же древнее это существо? Это не ксенос. Самые ранние воспоминания наполнены людьми, Террой настолько древней, что о ней не осталось даже записей.

Затем все вопросы, все фрагменты стираются под весом одного единственного воспоминания. Оно обрушивается на меня, целостное и совершенное, полное ясности и ужаса. Это секрет, скрывавшийся в статуе. Нет, я ошибаюсь. Это и статуя – одно целое. Изваяние Сангвиния было таким правдоподобным потому, что это не было работой скульптора. Это было воспоминание, которому придали форму. Это было воспоминание существа, видевшего, как Хорус сразил ангела.

Воспоминание. И торжество.

Это последнее откровение лишает меня дара речи, но я нахожу кое-что помощнее. Я нахожу свою ярость. Это не «чёрная ярость», хотя нет сомнений, что любой из моих братьев пал бы под натиском этого проклятья, узри он это воспоминание. Но такая же мучительная, как та, которую я уже однажды переживал. Я перенес «чёрную ярость», я прожил смерть Сангвиния. Старые шрамы открылись вновь, но безумие не захлестнуло меня. Теперь я уже дважды познал смерть примарха: один раз через его собственные глаза, другой – через глаза тёмного свидетеля. Ярость моя направлена на этого свидетеля, и это не ярость Сангвиния. Она моя собственная.

Я пускаю её в ход.

Мой гнев помогает мне сконцентрироваться. Есть и цели. Меня наполнило столько энергии, что я нахожусь на грани распада. Я должен очистить энергию. Я создаю канал. С волей, подаренной мне яростью, я формирую заряд так хорошо, насколько могу, и, затем, я выпускаю силу, способную разрушить историю.

Происходит чудовищный взрыв. Его свет это смесь смертельно-белого сияния статуи и багрового света моей ненависти. Начинается он в виде растущей сферы. Краями сознания я защищаю Альбинуса, Квирина и себя от полной дезинтеграции. Сфера ударяет в стены зала. С рёвом павших богов, башня разлетается на куски. Клинки, ружья и дубины, из которых были выстроены стены, все они летят по собственным траекториям. Сфера превращается в оружейный рой, поливающий землю самой войной. Наши танки и штурмовики разбрасывает во все стороны, как листья ветром. За пределами башни разрушение принимает форму моей ярости. Сфера становится электрическими потоками – моими когтями. Они проносятся над полем боя, поглощая берсеркеров Кровавых Ангелов и уцелевших Освященных, разрывая их на куски, обращая их богохульное бытие в дым. Моя воля – копье, пронзающее всё нечистое. Это огонь, бичующий землю. Это монстр, пожирающий себе подобных. Я ощущаю убийство каждого врага. Я пирую ими. Жажду мою никогда не утолить, но она упивается массовой резней. И когда дракон ярости, в конце концов, насыщается, он умирает.

Свет тускнеет. Слышится далекое эхо грохота падающих башен города, а затем... тишина? Нет. Ничто не бывает настолько хорошо. Появляется низкий, пульсирующий гул, почти неслышимый. Он такой глубокий, такой мощный, что мой позвоночник и грудь вибрируют с ним в резонансе.

Я упал в нескольких метрах от постамента. Я полностью опустошен. Я бы с радостью впал в забвение, но гул настойчив. Он стучится в мои кости и разум. Им нельзя пренебречь. Сам он точно не исчезнет. Я с трудом поднимаюсь на ноги. В том месте, где стояла статуя, зияет рана в ткани реальности. Векайра всё ещё накрыта тьмой. Купол не рассеялся, и свет исходит только от огня, продолжающего извергаться из трещин в воздухе. Разрыв передо мной чернее самой чёрной тьмы. Форма его непостоянна и изменчива. Завитки варпа вьются по краям, как змеи, окрашенные в цвета кошмаров и безумия. Я погружен в гул, но способен отодвинуть его на задний план, я слышу бесконечный хор криков и стонов. Они не стонут о том, что были замучены и загублены. Это воспевание пыток и убийств. Наши худшие желания и мечты живут собственными жизнями, и они двигаются по ту сторону трещины.

Рёв ярости заставляет меня обернуться. Альбинус борется с Квирином. Реклюзиарх лежит на земле. Альбинус на нём, прижимая обе его руки к полу. Квирина побеждает. Я открываю рот, чтобы сказать Альбинусу, отпустить его. Ему больше нечего защищать. Он больше не сможет навредить. Затем я понимаю, что он кричит на высоком готике. Он прокликает не меня, но Хоруса. «Чёрная ярость» забрала его.

Хотя я защитил обоих Кровавых Ангелов от основного удара взрыва, я не смог сделать это в полной мере. Броня их выглядит так, словно пылающие когти оцарапали её. Альбинус опускает плечи. Он опустошен. Я с трудом иду, но всё же присоединяюсь к нему. Я захватываю ноги Квирина, обездвигивая того, пока сангвинарный жрец беседует с ним. Альбинус зовёт его по имени. Он спрашивает Квирина вспомнить, кто он и где он, и вернуться к своим братьям. Альбинус читает литанию сангвинарного заступничества, молясь об избавлении Квирина от временного впадения в состояние фуга.

Вокруг нас собираются уцелевшие из Четвёртой роты. Нас сильно потрепали. Потери колоссальны. Ни один воин не вышел из боя без раны. Привлеченных к источнику ужаса Кровавых Ангелов встречают павший реклюзиарх, мир, всё ещё захваченный Хаосом, и факт уничтожения святой иконы. Капитан Кастигон, с измятым железным нимбом и в обгоревшей броне, садится рядом с Альбинусом, удерживая руки Квирина. Он на секунду встречается со мной глазами. Я вижу опустошение в его взгляде. Хуже – я вижу неуверенность. Хотя мы одержали победу над врагами, но он размышляет о цене. Он подозревает, что ещё большие потери – впереди. Эта неуверенность растёт из отчаяния.

Альбинус снимает шлем с Квирина и свой собственный, так его слова будут лучше доходить до пораженного брата. Интонации и ритм его ритуальных песнопений нарушались

помехами вокс-динамиков. Но, он всё равно мало, что может сделать. Духовный долг Альбинуса касается «красной жажды». Это капелланы ведут борьбу с «чёрной яростью», а капеллана у нас нет. Данталиан, проповедовавший для Четвёртой роты, погиб на «Затмении надежды». А теперь мы теряем Квирина. Он верил не слишком мудро, но слишком сильно. Шок истины разрушил его.

Внезапно его глаза проясняются. Он моргает, глядя на Альбинуса. Бред прекращается.

- Вернулся ли ты к нам, брат? – вопрошает сангвинарный жрец, - Ты видишь нас?

Квирина смотрит на меня. «Я вижу тебя», - говорит он. Звучит как обвинение.

- Ты вернулся? – повторяет вопрос Альбинус.

Это не праздный или риторический вопрос. Он требует ответа. Вопрос требует от страдающего присутствия самосознания. Лицо Квирина перекашивается от усилия. Его губы изгибаются в напряженной гримасе, которая может быстро перейти обратно в «ярость». Он на волоске висит над пропастью. Он делает глубокий судорожный вдох прежде, чем дать ответ.

- Я не вернусь, - говорит он. Слова оглушают роту как звон Колокола потерянных душ.

Слова адресованы не Альбинусу. Он разговаривает со мной. «Почему?» - спрашиваю я.

- Я ... потеряю слишком многое, - его борьба порочна. Он борется, чтобы остаться нормальным, лишь для того, чтобы окунуться в пучину безумия. Ещё один вдох. – Я не стану монстром.

Это его прощание с нами. Отвергая путь, которым я прошёл, он отпускает хватку разума и падает в свою собственную бездну. Глаза его видят другие времена, другую угрозу, и разум окунает его в сражение за Терру. Альбинус использует нартециум, вводя Квирина ударную дозу успокоительного. Мы добавим ещё одно имя в список Роты Смерти.

Я отступаю в сторону, пока Альбинус склоняется над Квирином. Реклюзиарх остался верным собственным выводам о вере до конца. Тот, кто сопротивляется «чёрной ярости» - лишён души. Возможно, он прав. А, возможно, что я что-то ещё худшее. Но кто из нас поддерживает орден? С чувством отвращения к его слабости я отворачиваюсь от него.

Я вновь гляжу на разлом. Мы позволили себе потратить несколько минут на прощание с павшей легендой. У нас не осталось врагов в физическом понимании этого слова. Но этот проход в варп всё ещё может уничтожить Паллевон и нас вместе с ним. Я не знаю, сможем ли мы закрыть его. Мне неизвестна природа тьмы, накрывшей Векайру, и я понятия не имею, можно ли её убрать.

Если честно, я даже не знаю, правильно ли я поступил.

Кастигон встает рядом, рассматривая разлом. «Что дальше, старший библиарий?» - спрашивает он. Но должно это звучать иначе – у тебя нет ответа, не правда ли?

- Игра ещё не окончена, - бормочу я.

- Нет, - приходит ответ с той стороны разлома, - Хорошо сыграно, Кровавый Ангел.

Глава 9

Кукловод

Говорящего пока нет среди нас, но слова разрывают ткань реальности ещё в одном месте. На руины уничтоженной башни внезапно обрушивается ливень из крови и пепла. Голос входит в резонанс с силой насилия, длившегося целые тысячелетия. Он глумится с той особой злобой, которая не присуща существу злему от рождения, но тому, кто сам встал на путь зла и возрадовался своей судьбе. Голос такой же низкий и зубодробильный, как и гул, идущий из разлома, но в тоже время он грохочет, как миллион барабанов войны. И он скрежещет. Как когти, скребущие по внутренней стороне черепа. Это зубы, грызущие кости надежды, пока те не переломятся с хрустом. Это смех геноцида.

Кровь продолжает лица со свода купола тьмы. Вопли варпа становятся громче. Трещины в воздухе внезапно извергают языки пламени, и из них появляется новая армия. Это не солдаты. Это отродье. Из удлинённых голов растут закрученные рога. Колени их ног выгнуты в обратную сторону, из-за чего походка их выглядит насмешливой и гарцующей. Это кровопускатели Кхорна, они изводили нас на «Затмении надежды». Ощущение замкнувшегося наконец-то адского круга отвратительно.

Демоны идут напрямик на истощённую роту. Мы полностью окружены. Кровавые Ангелы реагируют также, словно только что вступили в бой. Не собираясь сдаваться, Четвёртая рота формирует защитный круг. Убежища нет. Башня развалена на куски величиной с метр, может быть, два. Но волна демонов разобьётся о багровую скалу.

Кастигон присоединяется к кругу, призывая воинов проявить героические усилия. «Вот теперь идёт настоящий враг, - говорит он, голос его также силен и жаждет битвы, как в тот момент, когда мы выломали врата Векайры, - Теперь мы, наконец, видим то, что сгубило Векайру! Сыны Сангвиния, сегодня мы преподадим силам Хаоса урок смирения. И они познают, к их собственному сожалению, что значит призвать на себя гнев Кровавых Ангелов!» И урок начинается. Масс-реактивное опустошение изливается на ряды демонов.

Я остаюсь стоять вне круга. Я игнорирую кровопускателей. Какую бы опасность они ни представляли, всё же это отвлекающий маневр. Я встаю напротив разлома, поджидая командующего этой орды. Он заговаривает вновь, его голос без усилий перекрывает грохот стреляющих болтеров: «О, слова, какие прекрасные слова. Вас, марионетки, должно быть, они успокаивают? Вам не надоели ещё эти высокопарные высказывания и никчемные положения?» Голос ужасен. Он использует звук и слова, чтобы атаковать своих слушателей. Я заставляю себя сконцентрироваться и не обращать внимания на атаку, чтобы

проанализировать то, что я слышу. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы оценить приближающегося врага. Я обращаю внимание на язык, которым он говорит. Есть что-то, пусть и отдаленно напоминающее, но всё же человеческое в речевых оборотах. Пазл воспоминаний вновь открывается передо мной. Я не сомневаюсь, что это воспоминания, принадлежащие говорящему с нами существу. Эта тварь, которая видела смерть примарха, которая на целые эпохи старше самого Императора, была когда-то человеком.

- Не отвечай, - передаю я по воксу Кастигону, - Не надо радовать эту мерзость подобным образом.

- Радоваться чему? – приходит скрежещущий ответ. Голос звучит неторопливо, в нём нет никаких эмоций по поводу разразившегося за моей спиной генерального сражения. – Что, откажешь мне в своей ярости? Поздно для этого, брат Мефистон. Даже слишком поздно.

Использование моего имени и намеки на родство погружают меня в воспоминания о пещерах Солона V и лживых речах М'кара. Я скалюсь, но молчу.

- Ты ни в чем мне не отказал, - продолжает голос, в котором звучит ужасная правда, - Ты всё мне дал. Ты стал инструментом моего отмщения вашему ордену. Ты открыл дорогу моему господству.

- Хватит игр! – кричу я и шагаю вперед. Я сам брошусь в разлом, если это потребуется, чтобы закрыть рану в ткани реальности. Я должен, ибо появление этого портала – ответ на загадку воплощенного воспоминания и причина, по которой нас заманили сюда. Уничтожив статую, я сделал последние предписанные мне в этом танце шаги. Я выпустил чудовищное количество энергии. Я открыл проход в Имматериум.

Я выпустил то, что идёт к нам.

- Больше никаких игр, - повторяю я.

- Согласен, - отвечает голос.

Я останавливаюсь, заметив, что в разломе формируется фигура. «Давай положим конец играм. Давай положим конец всему».

Кошмар появляется внезапно. Возникает ощущение присутствия. Раздается звук бьющейся в агонии реальности. И вот монстр уже среди нас. Он огромен, возвышается над нами всеми, я задумываюсь, как такая тварь могла когда-то быть человеком.

С другой стороны, я ведь тоже был. Когда-то.

Передо мной предстает князь демонов.

О человеке в нём напоминает только жестокость. Голова обрамлена двумя закручивающимися вперед рогами. Лицо рептильное. Глаза узкие, и в их темных глубинах ужасным знанием сверкают тонкие разрезы. Пасть, которая могла бы откусить голову орка, усеяна острыми, как бритва зубами. Князь демонов идет к нам, каждая его нога размером с космодесантника. Когти его по длине не уступают гладию. Его шкура и броня настолько

покрыты густой кровью, что трудно сказать, где заканчивается одно и начинается другое. Броневые пластины колен выполнены в форме рогатых демонических лиц. Глаза моргают. Челюсти рельефных изображений голодно щёлкают от дикого наслаждения. На каждом наплечнике монстра корчится человек в окружении черепов, появляющихся из луж крови. Видна лишь верхняя часть мучающейся души. По началу, я думаю, что несчастного просто разорвали пополам, но потом я понимаю, что истина ещё более ужасна – тело погружено в нечестивую броню. Черепа покачиваются и тонут. Это кровь, это глубокий и омерзительный бассейн, и в тоже время – броня. Из спины князя демонов растут два изогнутых шипа, на которые насажены высушенные головы Адептус Астартес. На их лбах вырезаны символы. Чудовище несет в руках оружие, отдаленно напоминающее болтер.

Он украшен символами смерти. Его дуло толщиной с мою руку.

Земля сотрясается от каждого шага князя демонов. Он останавливается в нескольких метрах от меня и широко разводит руки: «Я – Думбрид, Кровавые Ангелы, и вы принадлежите мне. А теперь - на колени, и мы вместе попируем в крови галактики».

Думбрид.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Логика и механизм работают вместе, являя картину связную и конечную. Думбрид, предводитель нескольких Чёрных крестовых походов. Пять тысяч лет назад он обрушился на Империум. Он потерпел поражение, и архивы орденов Космодесанта пополнились записями о великих победах. В том числе и наших. Правда, это также истории о невысказанных злодеяниях, о которых никто не рассказывал, об уничтожении целых звездных систем, о ранах, которые кровоточат по сей день. Я, наконец, распознаю символы на трофейных головах космодесантников. Это символы Боевых Ястребов и Почитателей, двух полностью уничтоженных орденов, угасших в тёмной мечте, выпущенной на волю созданием, стоящим передо мной.

Единственным ответом на речь Думбрида является продолжающееся истребление его прихвостней. Как князю демонов могло прийти в голову, что Кровавые Ангелы предадут Императора, лежит за пределами понимания. Предположение вызывает смех. Такая измена просто невысказана.

Такая осознанная измена, я думаю. Я пытаюсь подавить мысль, но она свила крепкое гнездо на моих сомнениях.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Вопросы об окружающей меня тьме. Принадлежность берсеркеров. Думбрид поднимает голову, тьма его глаз изучает меня с удивлением. «Я думал, ты устал от игр, старший библиарий, - говорит он, - Разве время отговорок не прошло ещё?»

- Прошло, - рычу я. Я иду прямо на него, - Пришло время сводить счеты. Я научил твой проклятый корабль бояться меня, прежде чем уничтожил его. Тебя я научу кричать.

- Ты меня разочаровываешь, - начинает Думбрид. Уверен, что он считает меня опустошенной энергией, возможно, так и есть, но моя воля сражаться с подобными кошмарами безгранична, и варп подчиняется мне.

Я запускаю вспышку алого света ему в лицо. Она не мощнее обычного фейерверка, но она ослепляет и отвлекает. Он отступает на шаг назад, моргая, и я использую представившуюся возможность. Я пробиваю клинком его броню. Обычный металл не повредит этой твари. Я не могу заколоть его до смерти. Но мощь, которой не было во вспышке, находится в «Витарусе», и я наношу ему удар пламенем, способным разорвать душу пополам.

Рёв Думбрида сотрясает воздух. Ещё больше кусков ткани реальности падает на землю, из образовавшихся пробоин вырывается всё больше пламени варпа. Монстр отшвыривает меня ударом кулака в пол моего роста. Такой удар уничтожил бы танк, но я предвидел такой поворот событий, и призванное защитное поле поглощает большую часть удара, превращая его силу в кинетическую энергию.

Я отлетаю по большой дуге, возвращаю себе контроль над полётом и приземляюсь на краю чаши. «Ты освободился только затем, чтобы подохнуть!» - дразню я противника.

Разъяренный Думбрид несётся ко мне. Он громыкает по амфитеатру, уходя в сторону от битвы между моими братьями и кровопускателями. Я хочу, чтобы он сосредоточился на мне. Без его помощи вся его армия будет истреблена, таким образом, он останется один на один с Четвёртой ротой, если я паду в битве.

Только я не паду. Я выпустил монстра. Я его и прикончу.

Не могу сказать, что я пролил первую кровь. Думбрид наносил нам удары со времён нашего визита на «Затмение надежды». Но я пролил кровь и разозлил врага. Гнев придает сил, но бесконтрольный гнев приводит к ошибкам. Думбрид нападает. Хочет пронзить меня своими рогами. Хорошо. Я плету свой клубок. Он принес мне много боли, пора бы отплатить ему тем же. Гнев, направленный гнев течёт в моей крови. А ещё с ним течёт мой приказ варпу. Я жестикулирую, управляя реальностью. Я концентрируюсь на пути Думбрида, выбираю точку удара и бью.

Как и раньше камень плавится от жара моего гнева. Князь демонов глубоко проваливается левой ногой в неожиданно появившуюся лавовую яму. Он спотыкается, но не падает. Вместо этого он осознанно заходит в мою ловушку целиком. Он стоит там, по колено в кипящем камне и улыбается. Он зачерпывает полную ладонь лавы и позволяет ей протечь меж своих пальцев. «Да, маленький братец, да, - возобновляет он свою самую коварную атаку, - Сражаешься ты как истинный сын Кхорна. Но тебе ещё так многому нужно научиться». Он простирает свои руки и делает жест, словно поднимая землю.

Вся верхняя треть амфитеатра извергается ввысь. Меня подбрасывает в небеса гигантский гейзер из лавы и огня. Валуны швыряет в стороны, как пшеницу штормовым ветром. Адский жар поглотит меня. Я выживаю в пузыре силы, но пламя всё же пробивается ко мне сквозь этот щит и броню, пронзающая боль охватывает меня целиком.

Крылья моего примарха выносят меня из этой преисподней за пределы извержения. С этой высоты я вижу второй извержение, в этот раз – в центре чаши. Разлом становится шире, изливая отраву варпа на площадь гораздо большую, чем раньше. Реальность гнется и плавится в абстракциях ярости. Неведомым образом кусок земли, на котором сражаются мои братья, остается целым, но повсеместно щебень кричит от злобы и клыки вырастают из ниоткуда.

Я отступаю в город. Я должен сразиться с Думбридом на других условиях. Что-то похожее на вдохновение скребется, пытаюсь войти в мой разум. Я должен впустить его. Я пытаюсь перевести дух у подножия жилой башни.

Князь демонов не дает мне такого шанса. Он преследует меня огнём и мыслями. Он выбирается из амфитеатра, захватывая всю Векайру. Город истекает кровью, когда он начинает превращать улицы в реки расплавленного камня. Город загорается, когда от температуры вспыхивает горячее, разбрасывая пламя во все стороны. Вдали я вижу дрожащие и рушащиеся башни, и в этот момент пламя внезапно затвердевает. Сквозь растущий холокост ползёт голос Думбрида, путешествующий путями варпа, бьющий в меня, как требовательный зов самой планеты. Я не могу убежать от него, он вытесняет все мысли из головы.

- Ты бежишь, старший библиарий? – слова звучат насмешливо, пробуют меня, ищут, - Как недостойно. Я был лучшего мнения о том, кого прождал пять тысячелетий. Да, Мефистон, я предвидел твоё появление. Когда твои родичи использовали всю мощь моей крепости, чтобы заточить меня, удержать в варпе, привязанным к этой ничтожной планете, они не смогли пленить мой разум в эту клетку. Я долго гулял по нитям судьбы. Я видел тебя. Я знаю, что ты такое. Разве ты не хочешь это узнать?

Я не отвечаю. Я пытаюсь выработать стратегию, как заманить его в засаду и прикончить. Я знаю, что слова – это оружие в арсенале демона, и он скажет, что угодно, но я проклинаю собственное понимание в этот момент. Я знаю, когда слышу правду, и я слышу её прямо сейчас. Я не отказываюсь от вопросов моего врага, и думается, я знаю, что я такое. Я – это мои поступки. Ответ не устраивает меня, и Думбрид это чувствует.

- О, благородство Кровавых Ангелов. Поглядите, как они сражаются с трагедией своего ордена, стремясь стать самыми лучшими героями Империи. Пустые хлопоты. Смотрите, как они гибнут во славу своего бога-трупа. Они противятся своей истинной природе. Они противятся своему потенциалу и своей судьбе. Ты видел, какой она может быть, - слова

похожи на питонов. Думбрид использует правду, чтобы придать своей лжи больше удушающей силы, - Те Кровавые Ангелы, что пленили меня, они научились смотреть на вещи иначе. Ты не согласен?

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Последние кусочки тёмной мозаики падают на свои места. «Да, - говорит голос, тектоническим шёпотом, - они заточили меня здесь ценой собственной свободы. Они оставили мне свой пустой корабль как игрушку, и свои души для просвещения. Они увидели истину, в конце концов. Они стали судьбой твоего ордена. Разве ты не видишь этого? Разве мы, в конечном счёте, не носим одну и ту же броню? Кровь за кровь, Мефистон. Кровь к крови».

В этот момент он думает, что нашёл меня. Дорожный рокрит исчезает прямо передо мной, вместо него открывается мерцающая каверна, стрелой указывающая на меня. Секундой позже из-за угла появляется Думбрид. Он вновь медлит, и я успеваю задуматься, почему он не атакует сразу. «На колени, Кровавый Ангел, - говорит он. - Преклони колени и стань победителем».

Неужели поработить меня настолько важная задача, задумываюсь я, что он не убил меня до сих пор? Похоже, что целью его кампании было заполучить меня, нежели убить. Но, внезапно мне в голову приходит другая мысль. Возможно, что дело не в его нежелании убивать меня. Возможно, он думает, что не способен убить меня.

Если так, то думает он правильно. Он стоит в каменном каньоне Векайры. Он не нашёл меня, он пришёл напрямик в мою ловушку. «Я не встану на колени, - отвечаю я ему, - И всё же буду победителем». Я начинаю атаку. Я разрываю материю по обе стороны от князя демонов, прямо под фундаментами ближайших к нему башен. Миниатюрные штормы убитой реальности врываются в бытие, кружащиеся вихри уничтожения. Они разрушают фундаменты башен. Здания падают, наклоняясь в мою сторону. Они скользят вперед на своих цокольных этажах, сохраняя устойчивость в первые секунды своей гибели. Затем их структурная целостность разрушается. Великолепные готические проемы окон закрываются как ослепленные глаза. Аркбутаны падают, корпус внезапно становится мягким. Форма полностью утрачивается, и Думбрида погребают под собой падающие горы.

Я не рассчитываю на то, что мой враг погиб. Я начинаю проталкивать оба вихря сквозь груды щебня. Я буду водить их из стороны в сторону, уничтожая всё, пока они не пожрут тело монстра. Голос его затих. Я заставлю замолчать его навеки.

Передний склон взрывается. Я отшатываюсь, накрытый градом обломков. Думбрид вырывается из развалин. Он вновь ревет, и теперь этот рёв бесконечен, он дает волю своей злобе, пока пожирает тело своего врага. Он стреляет из болтера. Я пытаюсь противостоять снарядам, но это всё равно, что пытаться отразить метеоритный шквал. Моих усилий хватает лишь на то, чтобы меня не превратило в биологический кисель, но меня отбрасывает в стену

позади меня, которую я пробиваю собственным телом. Из моей брони выламываются куски величиной с кулак.

Я вскакиваю, стряхивая оглушение, но Думбрид уже здесь. Он проламывается сквозь стену и хватает меня. Он швыряет меня о землю с силой достаточной для появления кратера в мраморном полу. Он вновь хватает меня и швыряет в сторону внешней стены, прошибая ещё одну дыру. Снаружи всё затянато чумой варпа, город разносит эхо рычания князя демонов. Огонь и строения слились воедино. Трещины стали пастями. У лавы появились руки. Воздух горит и истекает кровью. Цвета размазываются и смываются со всего вокруг, и всё, что претендовало на существование, превращается в рёв слепой ярости. Думбрид высоко поднимает меня и держит, словно жертву для бурлящей в небесах тьмы. В ответ тьма распаивает ревушую пасть. Внутри неё сущее и забвение ведут борьбу друг с другом. Созидание и разрушение стали единым целым, бесконечный драконий огонь, изливающийся всепоглощающей энергией.

«Он не сдастся! – кричит Думбрид своему тёмному богу, – Он и ему подобные черви недостойны ваших милостей. Пусть он будет пожран!» Небеса становятся ближе. Нет. Это мы взлетаем. Столб лавы несет нас напрямик в зияющую в небесах пасть. Я встречу свою смерть в челюстях неистового Хаоса.

Только этого не будет. Варп принадлежит мне. Тьма принадлежит мне. Я повелеваю разрушением. Я – Властелин Смерти, и власть моя – безгранична. Когти Думбрида вцепились в моё тело, пробив броню, но они не сдерживают мою волю. Я погружаюсь в хаос. Я вижу кое-что, отличающееся от бесформенной текучей злобы, в которую погружается Паллевон. Это целеустремленный гнев. Достаточно сильный, чтобы сокрушить адамантий. Чистый. Праведный. Это – ярость Кровавых Ангелов. Сражаясь с кровопускателями, они становятся источником огромной, прекрасно сформированной энергии гнева. Он настолько силен, настолько логичен по своей природе, что удерживает реальность вокруг поля битвы в стабильности. Думбрид использовал его против нас, его воплощенное воспоминание копило мощь, как аккумулятор, пока она не прорвала барьер между варпом и реальностью. Но этот гнев не принадлежит ему. Но, в отличие от меня, он об этом не знает. Он мой по праву рождения, пусть я далёк от него. Я понимаю его природу. Я сражался с его самым разрушительным воплощением. Но я остаюсь в стороне. Существо, которым я являюсь, которое разобщило меня с моими братьями, позволяет видеть мне гнев со стороны. Я вижу облик коллективной ярости Кровавых Ангелов. Я хватаю её.

Подчиняю себе.

Думбрид кричит от боли и разочарования. Он отпускает меня. Я падаю, потом вновь взмываю на крыльях, сияние величия которых столь нестерпимо, что князь демонов вынужден

закрыть глаза. Его правая рука дымится. Существует огонь, способный поджаривать даже таких тварей как он.

На своем фонтане лавы, он устремляется ко мне, тянется когтями, стремясь разорвать меня на куски, аура энергии, которую невозможно описать словами, окружает его. Но у меня в руках есть достойный ответ. Насытившийся яростью сражающихся Кровавых Ангелов, подарок нашего трагичного наследия, сфера сверкающей крови, и это проявление моей бесконечной воли.

«За Сангвиния!» - кричу я. Это оплата игры Думбрида. Это возмездие за те богохульства, который он выпустил на волю. Это мой лучший акт служения примарху. Я запускаю сферу, и всё мироздание исчезает в холокосте моей силы. Всё вокруг становится кровью, кипящей кровью, кровью, вызванной смертью всего.

Вызванной Властелином Смерти.

Эпилог

Дар бездны

Рассвет растекается по останкам Векайры. День всё же приходит, в определенном смысле. Купол тьмы не рассеялся. Он, скорее, стал рваным. К огненным ранам в воздухе присоединились разрывы во тьме. Искромсанный занавес. Сквозь дыры в ткани ночи проходит свет стареющей звезды. Город вновь стабилен, но он застыл в позе поразившего его безумия. Башни Векайры затвердели в своем танце с Хаосом, но их новые формы были неустойчивыми. Они обрушились все до единой, оставив вместо себя перекрученные остовы уродливых гигантов.

Эти детали не важны. Скоро даже эти следы исчезнут, потому что на Паллевон будет обрушен Экстерминатус. Разлом уже не опасен, но он всё ещё здесь, медленно сочащийся отравой варпа. Решение возможно только одно. «Багровый призыв» будет обстреливать Паллевон циклонными торпедами до тех пор, пока планета не развалится на куски. Ничто не должно уцелеть. Думбрид не должен использовать это место ещё раз.

Кровопускатели уничтожены. Самого князя демонов не видно. Я более не ощущаю его присутствия. Я слышал в самом конце кровавого апокалипсиса, рёв боли, который не затих, но резко оборвался. Я не питаю иллюзий относительно своих действий, как максимум, он изгнан мною из реальности.

Пока, во всяком случае.

Разбитая рота начинает процедуру погрузки на «Громовых ястребов» и «Штормовых воронов» присланных с «Призыва», чтобы забрать нас на орбиту. Пилотам штурмовиков не

придётся делать много рейсов. Потери составляют полроты погибших или поддавшихся «изъяну» боевых братьев.

Я вижу, что Альбинус сопровождает братьев, несущих погруженного в забытие Квирина на борт «Штормового ворона» «Кровавый шип». Он сдался тому, чему я сопротивляюсь. В конце он предпочел пасть, объявляя мою силу величайшим проклятием. Он не прав. Он заблуждался. А я нет. Я

Я освободил Думбрида. Он изгнан, но более не в заточении.

Отвратительная мысль. Также как и слова о родстве из уст монстра. Сомнения скручиваются и извиваются. От них не скрыться. Не заглушить их. Не смогу я заглушить и тот голод, который ликовал в моей ужасающей силе и жаждет выпустить её снова.

Я следую за кортежем Квирина, за тем, во что эта процессия превратилась. Перевод в Роту Смерти позволит умереть ему с честью, но, по правде, мои братья уже оплакивают потерю великого героя нашего ордена. Да будет так, и пусть уничтожение Паллевона станет его погребальным костром.

Квирин шёл сквозь свет и сгорел. Несмотря на все его рассуждения об «изъяне», он не смог понять, что он может дать большую силу.

Я не знаю, что живёт во мне. Я не знаю, насколько этот голод может вырасти. Что я знаю точно – я держу тьму в своих руках. Она принадлежит мне. Но вот моя клятва: и сейчас, и впредь это будет тьма святого уничтожения. Во славу Кровавых Ангелов. За Императора.

За Сангвиния.